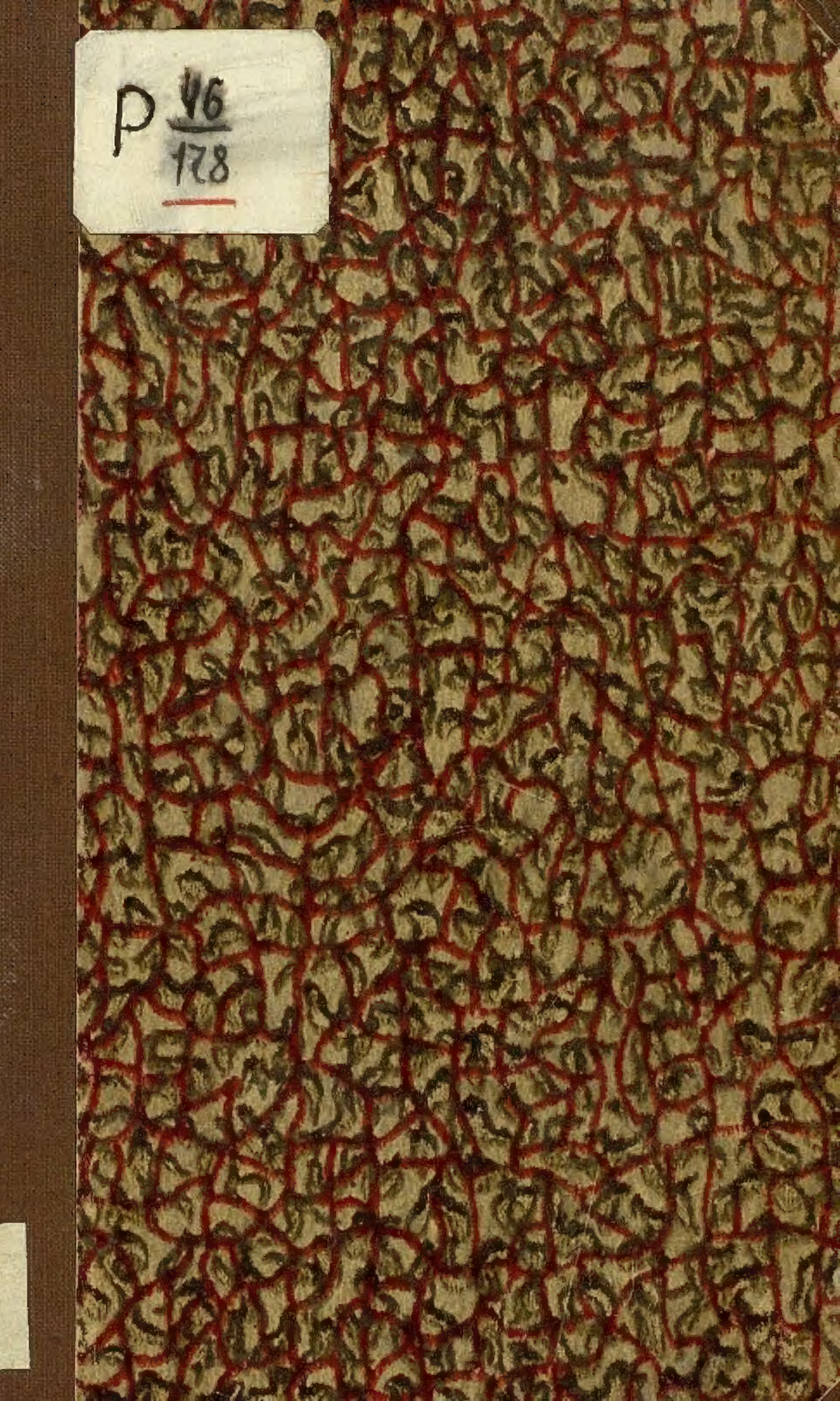

P 46/128

1/178

НИГИЛИЗМЪ

КАКЪ ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНІЕ РУССКОЙ ЖИЗНИ

М. ДЕ-ПУЛЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

Дозволено цензурой. Москва, 26 ноября 1881 года.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ), на Страстномъ бульв.

НИГИЛИЗМЪ

КАКЪ ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНІЕ РУССКОЙ ЖИЗНИ

I.

Въ самомъ концѣ 50хъ и въ началѣ 60хъ годовъ, въ эпоху ознаменованную великими реформами прошедшаго царствованія, явились люди, возникли мнѣнія и взгляды на вещи прежде небывалые, неслыханные. Эти *новые* люди все существующее безусловно отрицали, никакими преобразованіями не удовлетворялись и кромѣ абсолютнаго разрушенія общественнаго порядка никакого инаго идеала не представляли. Прежде чѣмъ Тургеневъ подсказалъ названіе для этихъ *новыхъ* людей, естественно принадлежавшихъ къ тогдашнему молодому поколѣнію, частію еще сидѣвшему на школьныхъ скамьяхъ, частію уже вступившему въ жизнь, преимущественно на поприще свободныхъ профессій,—кличка имъ была уже готова на умѣ каждаго кто только поглубже всматривался въ природу этихъ странныхъ людей; за неимѣніемъ русскаго слова иначе ихъ нельзя было и назвать какъ *нигилистами*, а ученіе ихъ—*нигилизмомъ*. Но сами они не приняли этой клички *, а назвались *реалистами* и подъ

---

* Латинское *nihil*—ничто, слѣдовательно нуль; такимъ образомъ слово *нигилистъ* обозначаетъ человѣка ничего не признающаго, все отвергающаго.

щитомъ реализма, одновременно возникшаго, распространились и усилились поистинѣ до чудовищныхъ размѣровъ. Какъ противоположность идеальному направленію, нашъ русскій реализмъ съ перваго же своего появленія встрѣтилъ противниковъ, которые вступили съ нимъ въ борьбу. Въ этой борьбѣ нигилизмъ оставался въ сторонѣ и лишь пользовался завоеваніями дѣлаемыми реализмомъ. Реализмъ съ своей стороны, искренно или нѣтъ, отрицалъ упорно самое существованіе нигилизма и упрекалъ во враждѣ къ молодому поколѣнію тѣхъ кто еще продолжалъ настаивать на этомъ существованіи. Такая тактика привела къ результатамъ весьма выгоднымъ для распространенія нигилизма. Въ самомъ дѣлѣ, для многихъ возникли такіе вопросы: „*Есть ли у насъ нигилисты?* Реалисты есть и всѣмъ видимы, но вѣдь это еще не нигилисты. *Не смѣшиваемъ ли мы нигилистовъ съ реалистами? Такое смѣшеніе не компрометтируетъ ли предъ правительствомъ и обществомъ нашу учащуюся молодежь, на которой покоятся самыя дорогія наши надежды? Ея крайности и увлеченія въ реалистическомъ направленіи не пройдутъ ли сами собою какъ и всѣ юношескія увлеченія?*“ и т. д. Удивляться такой раздумчивости нечего. Многимъ казалось совершенно достаточнымъ что въ 1866 году, послѣ покушенія Каракозова, главные притоны нигилистовъ (*Современникъ* и *Русское Слово*) были разорены и что первые основатели нигилистическаго ученія, его апостолы и проповѣдники (Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ) скоро сошли со сцены. Но ранняя смерть отцовъ нигилизма, превознесенныхъ и препрославленныхъ реалистами, не убила однакоже нигилизма; поддерживаемый реальнымъ направленіемъ въ литературѣ, онъ все шелъ въ ширь и глубь, проникалъ въ нѣдра семействъ и распространялся въ самыхъ темныхъ общественныхъ закоулкахъ. Такъ продолжалось до 70хъ годовъ, когда, къ изумленію многихъ тогдашнихъ оптимистовъ, въ судебныхъ камерахъ живьемъ появились чистокровные нигилисты — не блѣдныя, абстрактныя тѣни какихъ-нибудь реалистическихъ авторовъ, а люди плоти и крови. Проявленіе этого нигилистическаго живья не возбудило однакоже всеобщаго ужаса и нисколько не отрезвило нашихъ реалистовъ, успѣвшихъ впрочемъ перемѣнить свое названіе (на *прогрессистовъ* и *либераловъ*) и продолжавшихъ толковать и объяснять всѣ уродливыя проявленія тогдашней современности или

естественными увлеченіями юности, или неудовлетвореніемъ со стороны правительства и общества яко бы потребностей молодаго поколѣнія. Мы оставались нѣмы и глухи и тогда когда по лицу земли нашей распространились шайки интеллигентныхъ разбойниковъ обоего пола, пошедшія „въ народъ“ съ цѣлію возбудить его къ бунту противъ правительства и произвести всеобщую смуту, во время которой они надѣялись осуществить свои планы. Этихъ „воровъ“, выражаясь древнимъ нашимъ языкомъ, стали называть „соціалистами-революціонерами“; имя нигилистовъ опять было забыто, къ счастію и душевному спокойствію нашихъ реалистовъ. „Что въ самомъ дѣлѣ, разсуждали тогда, общаго между героями процесса 193, между убійцами Мезенцова и Крапоткина съ одной стороны и Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и Писаревымъ съ другой? Тѣ неизвѣстно откуда-то взявшіеся революціонеры, а три послѣдніе „наши даровитые юноши“, „продолжатели дѣла Бѣлинскаго!“... Итакъ завелись „воры“ въ Русской землѣ, подобно „ворамъ“ начала XVII столѣтія, съ тѣми же разрушительными стремленіями!... И появленіе, и расположеніе этихъ „воровъ“ происходило не въ какую-нибудь эпоху застоя и правительственнаго гнета, а во время непрекращавшихся реформъ снисходительнѣйшаго изъ государей. Не освѣжила и не ободрила смущеннаго русскаго духа и послѣдняя война съ Турціей, весьма популярная и ознаменованная блестящими подвигами. Будущій русскій историкъ, повѣствуя о событіяхъ конца 70хъ годовъ, при всемъ спокойствіи которое принесетъ съ собою время, конечно, съ ужасомъ остановится предъ картинами позорящими нашу исторію и насъ, пассивныхъ современниковъ неслыханныхъ злодѣяній!.. Жизнь Царя-Освободителя становится главнымъ предметомъ нападеній интеллигентныхъ злодѣевъ. Идутъ одно за однимъ: покушеніе Соловьева, взрывы на желѣзныхъ дорогахъ, взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ и наконецъ страшная катастрофа 1 марта 1881 года... Россія содрогнулась изъ конца въ конецъ; ужаснулся и весь міръ... Да, пришлось сказать, *крамола* у насъ есть; есть и революціонеры. Но произошли они, прибавляютъ, вовсе не отъ „преемниковъ Бѣлинскаго“, а отъ иныхъ совсѣмъ причинъ. Такъ говорятъ у насъ теперь тѣ самые люди которые называли себя прежде реалистами, а затѣмъ окрестились въ прогрессистовъ и либераловъ. Между тѣмъ европейская печать не переставала толковать о нигилистахъ, а теперь, послѣ

1 марта, еще съ большею настойчивостію продолжаетъ называть нигилистами всѣхъ нашихъ революціонеровъ и соціалистовъ.

Итакъ что же такое нигилизмъ и откуда онъ взялся?

Для рѣшенія этого вопроса необходимо прежде всего ознакомиться съ ученіемъ отцовъ нигилизма, первыхъ его основателей. Отличнымъ пособіемъ для этой цѣли могутъ служить брошюры * г. Цитовича (*Что дѣлали въ романѣ „Что дѣлать"*, *Разрушеніе эстетики* и *Реальная критика*), гдѣ сущность нигилистическаго ученія выясняется съ достаточною полнотой.

Не должно забывать что основатели интересующаго насъ ученія развивая свои идеи не были свободны: хотя нѣкоторые изъ нихъ невозбранно подвизались и въ подцензурныхъ изданіяхъ, но все же, такъ или иначе, приходилось имъ имѣть въ виду законы о печати и опасаться непріятныхъ и убыточныхъ послѣдствій въ случаѣ слишкомъ явнаго или слишкомъ грубаго ихъ нарушенія. Такое стѣсненіе, естественно, повредило догматическому изложенію ученія о которомъ мы поведемъ рѣчь. Приходилось изворачиваться, лавировать между Сциллой и Харибдой, въ одно и то же время и *отрицать* и *утверждать*, ломать старые и создавать новые идеалы,—и все это дѣлать лихорадочно, порывисто, страстно, но болѣе увлекаясь процессомъ разрушенія, чѣмъ актомъ созиданія.

Ширина отрицанія характеризующаго новое ученіе обнимаетъ не только весь у насъ установившійся порядокъ, но и весь современный строй государственной и общественной жизни. Нынѣшняя европейская цивилизація съ ея наукой, искусствомъ, литературой, отвергается новымъ ученіемъ. „Пусть догниваетъ старая цивилизація, говоритъ одинъ изъ второстепенныхъ нигилистовъ,—намъ незачѣмъ подбирать ея негодные обломки или наряжаться въ ея лохмотья. Старая цивилизація умираетъ не по годамъ, а по днямъ. Она чувствуетъ свою дряхлость и въ то же время страшится смерти, какъ суевѣрная грѣшница". „Теперешняя Европа, замѣчаетъ Писаревъ, накопивъ въ своемъ наслѣдіи вѣковъ всѣ заблужденія, ошибки, знанія и невѣжество прошедшихъ временъ, хранитъ все это какъ Плюшкинъ въ одной кучѣ... Никто не понималъ что значитъ зло и что значитъ добро... Все это должно было прекратиться, когда стало извѣстно что въ

* Для сокращенія, брошюры г. Цитовича будемъ въ послѣдующемъ обозначать одиѣми римскими цифрами, а фамилію его буквой Ц.

экономическомъ смыслѣ добро есть выгода, зло есть убытокъ: въ физіологическомъ отношеніи добро есть пріятное ощущеніе, а зло—ощущеніе непріятное; что добро и зло въ примѣненіи къ общимъ человѣческимъ отношеніямъ слѣдуетъ понимать какъ пользу и вредъ" *. „Монополь (?) знаній и гуманнаго развитія представляетъ конечно одну изъ самыхъ вредныхъ монополей. Наука должна быть осязательная... что̀ осязательно, что̀ можно разсмотрѣть глазами и ощупать руками, пойметъ и десятилѣтній ребенокъ и простой мужикъ". ** „Легіоны славныхъ англійскихъ ученыхъ, говоритъ тотъ же писатель, не что̀ иное какъ защитники буржуазіи, какъ бойцы за эксплуатацію". Ньютонъ, при всей своей геніальности, не имѣетъ права подавлять „своимъ умственнымъ величіемъ" какого-нибудь штукатура. Писаревъ особенно безпощаденъ къ Маколею и Миллю, которыхъ осыпаетъ сарказмами, называя перваго „популярнымъ балагуромъ", а втораго „воролюбивымъ экономистомъ", потатчикомъ ворамъ. *** Не лучше и германская ученость, особенно профессорская, „не признающая здраваго смысла": пользы отъ нея ни малѣйшей! Велики, напримѣръ, труды Гриммовъ, но они не приносятъ „дѣйствительной пользы ни одному живому человѣку въ мірѣ". Братьевъ Гриммовъ нашъ авторъ сравниваетъ съ Рафаэлемъ, причемъ замѣчаетъ что будь въ Италіи и десять тысячъ Рафаэлей, „то это нисколько не подвинуло бы впередъ италіянскую націю ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ, ни въ соціальномъ, ни въ умственномъ отношеніи". **** Справедливость требуетъ сказать что не всѣ европейскіе ученые подвергаются сарказмамъ и осужденію: изъ нашего источника видно, напримѣръ, что Бокль и Дарвинъ принадлежатъ къ числу изъятыхъ.

Если въ западной Европѣ существующая цивилизація мѣшаетъ обновленію, то затрудненій много менѣе на нашей родинѣ. „Наша русская цивилизація, говоритъ Добролюбовъ, находится въ особенно благопріятномъ положеніи для того чтобы принять на себя обновляющія начала; ей благопріятствуетъ въ этомъ отношеніи именно то обстоятельство что

* Ц. II, 60.

** Ц. II, 54.

*** Ibid., 36—40.

**** Ibid., 51.

она находится еще въ колыбели или въ утробѣ матери.“ * Само собою разумѣется что въ ожиданіи развитія этихъ зачатковъ вся русская жизнь, руская гражданственность какъ она сложилась подлежатъ безпощадному разрушенію. Въ русской жизни отвергались всякія моральныя и даже юридическія основы,—религіозныя, нравственныя, семейныя и т. д. Разрушалось, то-есть предлагалось къ разрушенію такъ много, такая груда развалинъ рисовалась въ перспективѣ что трудно даже распознаться въ этой массѣ.

II.

По цензурнымъ условіямъ, не представлялось возможности сдѣлать прямыя, энергическія нападки на религію. Приходилось говорить о ней косвенно, иносказательно, но такъ однакоже что изъ многихъ отрицаній само собой выходило что отрицается религія то какъ одинъ изъ „старыхъ предразсудковъ“, то какъ „мистическія бредни“, „патологическія явленія“ и другія „фантазіи“, мѣшающія личному и общественному благополучію. „Общественныя и экономическія доктрины до сихъ поръ представляютъ, говоритъ Писаревъ, очень близкое сходство съ отжившими призраками астрологіи, алхиміи, магіи и теософіи“. ** „Распространилась, замѣчаетъ въ свою очередь Добролюбовъ, общеизвѣстная нынѣ истина что сила есть неизбѣжное свойство матеріи,—съ тѣхъ поръ мы считали совершенно ненужными всѣхъ этихъ Ормуздовъ и Аримановъ...“ (многоточіе въ подлинникѣ); *** „Послѣдовательный реалистъ считаетъ себя свободнымъ отъ теософической опеки, не ожидаетъ себѣ свыше ни награды за добро, ни наказанія за зло“ (Писаревъ).****

При такомъ отношеніи къ религіи, естественно, нравственныя начала на ней основанныя должны также отвергаться. Нравственность, утверждаетъ Писаревъ, имѣетъ мистическій смыслъ, не имѣющій ничего общаго со здравымъ смысломъ. „Возгласы о добродѣтели, свидѣтельствуетъ Добролюбовъ, уже

* Ц. II, 44.
** Ц. II, 47.
*** Ц. III, 33.
**** Ibid., 60.

сбили у насъ съ толку нѣсколько талантливыхъ людей.“ По мнѣнію того же философа, „вѣрить въ необходимость стѣсненія (нравственнаго) значитъ смотрѣть на весь міръ глазами аскета и истязать самого себя изъ любви къ искусству.“ * Изъ того положенія (нигилистической аксіомы) что „человѣкъ есть не что̀ иное какъ животный организмъ“ явственно вытекаетъ дальнѣйшее отрицаніе психической жизни, на мѣсто которой ставится одно наше тѣло, но въ двухъ его функціяхъ—физической и химической. На этомъ принципѣ зиждется положительная (реалистическая) и отрицательная (нигилистическая) сторона нашей новѣйшей этики. „Ставить вопросъ о нравственности и безнравственности, говоритъ одинъ изъ нигилистовъ, значитъ къ старымъ трудностямъ прибавлять новыя: это повтореніе спора о добрѣ и злѣ“ **. По мнѣнію Писарева, „каждый здоровый человѣкъ добръ и честенъ до тѣхъ поръ пока всѣ его естественныя потребности удовлетворяются достаточнымъ образомъ... Животный инстинктъ самосохраненія *долженъ быть* сильнѣе всѣхъ нравственныхъ соображеній“ ***. По мнѣнію этого писателя, вѣрить на слово совѣсти значитъ „обрекать себя на вѣчную неподвижность.“ **** „Правило что во всякомъ случаѣ нужно быть честнымъ, по увѣренію Добролюбова, никуда не годится“ †, а на счетъ *долга* онъ выражается такъ: кто исполняетъ требованія долга, тотъ „поступаетъ безчестно и подло, есть жалкая дрянь и тряпка и только напрасно позоритъ свое существованіе“ †*. Писаревъ относится къ *долгу* мягче, игривѣе: долгъ, говоритъ онъ, „въ глазахъ реалиста не имѣетъ никакого смысла.“ †**. Писаревъ впрочемъ допускалъ „самосовершенствованіе“, но объяснялъ его физіологически и даже механически. „Самосовершенствованіе, говорилъ онъ, дѣлается также естественно и непроизвольно какъ совершаются процессы дыханія, кровообращенія и пищеваренія. Чѣмъ бы вы ни занимались, вы съ каждымъ днемъ пріобрѣтаете бо̀льшую энергическую ловкость, большій навыкъ и опытность.... Идеалъ человѣка comme il faut,

---

* Ц. II, 64, 67, а также III, 18.

** Ц. II, 61.

*** Ц. II, 16.

**** Ibid., 47.

† Ibid., 78.

†* Ц. III, стр. 21.

†** Ц. II, стр. 19.

человѣка дѣльнаго, хорошаго семьянина, хорошаго чиновника и проч.,—все это мечты которыя болѣе или менѣе отравляютъ жизнь и мѣшаютъ беззавѣтному наслажденію." * Но не однѣми физіологическими причинами, а и экономическими (частію даже эстетическими, какъ ни странно это покажется) опредѣляются нашими этиками нравственныя понятія: такъ, напримѣръ, „добро есть" не что иное какъ „выгода" и ощущеніе пріятное, а „зло"—„убытокъ", „ощущеніе непріятное." ** На этой морали основывается и квалификація уголовныхъ преступленій. Такъ уваженіе къ чужому выводится не изъ какихъ-нибудь нравственныхъ принциповъ, а изъ простаго разчета, основаннаго на инстинктѣ самосохраненія, изъ боязни попасться и получить за это серіозную непріятность. „Всякое преступленіе опасно, разсуждаетъ Писаревъ, и слѣдовательно не удобно. Умнымъ людямъ ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ убивать и грабить." *** Но съ точки зрѣнія нигилистической морали, образцики которой приводятся выше, самое понятіе о преступленіи отрицается, какъ равно и свободная воля и вообще всякая функція психической жизни. Вопросъ о преступникѣ, по мнѣнію Писарева, сводится къ слѣдующей дилеммѣ: или онъ больной, котораго надо лѣчить, или онъ „герой страшной трагедіи, погибающій подъ гнетомъ враждебныхъ обстоятельствъ." **** Идея невмѣняемости вытекаетъ по нигилистической доктринѣ изъ слѣдующаго силлогизма: дѣйствія человѣка основываются только на его внутреннихъ побужденіяхъ; а эти послѣднія зависятъ отъ его органическихъ условій и внѣшнихъ явленій, всегда угнетающаго свойства; очевидно что понятіе о виновности не имѣетъ никакого смысла †. На томъ же основаніи отрицается какъ нелѣпость и всякій судъ.

Всего строже, можно сказать, всего безпощаднѣе относятся наши нигилисты къ идеальной сторонѣ жизни. Ихъ понятіе объ идеяхъ и идеалахъ весьма широко; въ кругъ этихъ понятій они вводятъ всю совокупность явленій христіанской нравственности и европейской цивилизаціи, результаты просвѣщенія, наукъ, искусствъ и литературы. Восторженный

---

* Ibid., 42—43.

** Ц. II, 60.

*** Ц. II, 43—44.

**** Ц. III, 60.

† Ibid.

Писаревъ, вѣроятно для полемическаго удобства, всю совокупность явленій моральнаго и идеальнаго міра называетъ однимъ словомъ—„эстетикой“. Онъ съ безпощадною ироніей относится къ этому слову; употребляетъ всѣ свои силы, всю литературную свою дѣятельность, дѣйствительно не малую, на то чтобы вытравить эту „эстетику“. Не одинъ однако Писаревъ. „Пора бы намъ, говоритъ въ свою очередь Добролюбовъ, отстать отъ отвлеченныхъ идей, по которымъ будто бы образуется жизнь, точно такъ какъ отстали отъ теологическихъ мечтаній бывшихъ въ такой модѣ во времена схоластики. Искаженныя стремленія идеализма постоянно въ насъ проглядываютъ.“ * Пора отстать тѣмъ болѣе „что, по выраженію одного изъ позднѣйшихъ реалистовъ, увлеченіе идеей и принципомъ вообще не въ характерѣ Русскаго народа“. Онъ провозглашаетъ: „никакое намѣреніе исполнить обязанности гражданина невыполнимо, потому что никакихъ гражданскихъ обязанностей въ сущности нѣтъ. Убѣжденія, принципы, цивическая добродѣтель,—все это нелѣпыя бредни.“ ** Писаревъ жалѣетъ объ аскетѣ все равно какъ о слѣпомъ, безрукомъ или сумашедшемъ, и полагаетъ что „полнѣйшее проявленіе человѣчности возможно только въ цѣльной личности, развившейся совершенно безыскусственно и самостоятельно, не сдавленной служеніемъ разнымъ идеаламъ, не потратившей силъ на борьбу съ собою.“ *** „Что̀ такое благородный энтузіазмъ?“ спрашиваетъ онъ же, и сейчасъ же отвѣчаетъ: „Это пустой звукъ, не соотвѣтствующій никакому опредѣленному представленію. Мы можемъ не толковать теперь о борьбѣ за святыя убѣжденія, о принесеніи себя въ жертву принципамъ,—практическаго дѣла изъ этого выйти не можетъ.“ **** „Еслибы всѣ, говоритъ онъ же, въ строгомъ смыслѣ были эгоистами по убѣжденіямъ, то-есть заботились только о себѣ, не создавая себѣ искусственныхъ понятій идеала и долга, то, право, тогда привольнѣе было бы жить на бѣломъ свѣтѣ нежели теперь... теперь же вся жизнь отдѣльнаго человѣка сдавлена, спутана въ своихъ проявленіяхъ въ угоду отвлеченнаго понятія государства“ (и прочаго,

---

* Ц. II, 7.
** Ц. II, 43.
*** Ibid., 21.
**** Ibid., 22.

конечно, идеальнаго). * „Пружина чести (читаемъ у него же въ другомъ мѣстѣ), уваженіе, личное достоинство, самолюбіе, благодарность, добро, зло, вѣжливость, великодушіе, сострадание, милосердіе, сердце, справедливость, умъ, знаніе, законъ, конституція, свобода, равенство и т. д.,—всѣ эти слова для насъ отживающія слова." ** Писаревъ даетъ „эстетикѣ" опредѣленіе очень краткое, признавая ее проявленіемъ „неисчерпаемой глупости", объемъ которой онъ однакоже очерчиваетъ широко; сюда входитъ все что̀ возбуждаетъ „въ груди пламеннаго эстетика цѣлую бурю высокихъ ощущеній", а именно: „жестокость семейнаго деспота, фанатизмъ старой ханжи, несчастная любовь дѣвушки къ негодяю, кротость терпѣливой жертвы семейнаго самовластія, порывы отчаянія, ревность, корыстолюбіе, мошенничество, буйный разгулъ, тихая мечтательность, восторженная чувствительность." *** „Эстетика" стѣсняетъ общество, давитъ его со всѣхъ сторонъ, подобно морали и законности; она есть „самый прочный элементъ умственнаго застоя и самый надежный (sic) врагъ разумнаго прогресса". **** „Мы затѣмъ и стараемся доканать эстетику чтобы сосредоточить вниманіе и умственныя силы общества на самомъ незначительномъ числѣ жгучихъ и неотразимыхъ вопросовъ первостепенной важности". † Онъ особенно безпощаденъ къ поэтамъ. Онъ увѣренъ что поэтомъ можно сдѣлаться точно такъ же какъ адвокатомъ или сапожникомъ и что „реалисты" потому не пишутъ стиховъ и драмъ что считаютъ себя выше этихъ занятій; онъ провозглашаетъ что Пушкинъ былъ вреденъ, ибо „обезоруживаетъ личный протестъ и укрѣпляетъ общественные предразсудки, которые нужно разрушить"; †* что Бѣлинскій, какъ критикъ,—„уродливое явленіе"; „*Мертвыя Души*—„чепуха". Но оставимъ пламеннаго Писарева и обратимся къ болѣе хладнокровному Добролюбову. „Что̀ такое, спрашиваетъ онъ, всѣ учрежденія, нравы, привычки, понятія, стремленія, искусство, наука, права

* Ibid., 44, 47—48.

** Ibid., 80.

*** Ibid, 59.

**** Ц. II, 96.

† Ibid., 46.

†* Предлагаемъ замѣтить это выраженіе тѣмъ которые считаютъ Добролюбова и Писарева продолжателями Бѣлинскаго.

этой громадной толпы (образованные классы)? Ничтожный, грязный хаосъ, который долго можетъ задерживать своимъ присутствіемъ умственное развитіе человѣчества, но который никогда не можетъ произвести изъ себя ничего прочнаго, ничего живаго, ничего способнаго развиваться и совершенствоваться" (и это не у однихъ насъ, но и „во всемъ цивилизованномъ мірѣ") *.

Чтобъ исчерпать вопросы подвергнувшіеся полному отрицанію со стороны нашихъ моралистовъ, остается сказать о русской семьѣ и о русской женщинѣ, которыя осуждались ими на безусловную гибель. Русскую семью, не однихъ московскихъ купцовъ, но вообще достаточныхъ классовъ, Добролюбовъ назвалъ „темнымъ царствомъ"; Писаревъ также принимаетъ это названіе, но имъ не довольствуется, а даетъ свое— „курятникъ". Картину семьи (не только у насъ, но и вездѣ) онъ рисуетъ въ самомъ безотрадномъ видѣ, причемъ даже вдается въ поэзію и романтизмъ. Семья оказывается „превосходною школой безнравственности", зародышемъ и поприщемъ войны и порабощенія, школой рабства, эксплуатаціи, воровства и грабежа; ** но у насъ семья хуже чѣмъ гдѣ-нибудь, потому что у насъ самый законный протестъ осуждается всегда какъ преступленіе. Не сомнѣваясь въ силѣ и искренности чувствъ такъ-называемыхъ *любящихъ матерей*, Писаревъ сумму ихъ вліянія считаетъ не только вредною, но и „губительною"; но почему же? Потому, онъ думаетъ, что такая мать способна отвлечь „молодаго человѣка" отъ „новаго, привлекательнаго образа жизни" и возвратить его на истинный путь. т.-е. „заглохнуть въ томъ омутѣ изъ котораго онъ было старался выкарабкаться". *** Плоха семья, плохи и ея члены—отцы, матери, братья и сестры. Болѣе всего старается Писаревъ пристыдить русскихъ женщинъ ****. Современныя женщины, увѣряетъ онъ, потому плохи что онѣ думаютъ „не столько о томъ чтобы наслаждаться жизнію сколько о томъ чтобы не попасть въ какую-нибудь непріятную передѣлку" †,—плохи онѣ опять-таки отъ „эстетики", отъ зловреднаго вліянія семьи. Онѣ боятся общественнаго мнѣнія, родителей,

* Ц. III, 54.

** Ц. II, § 29, стр. 72—74.

*** Ibid., § 30, 74—75.

**** Ibid., § 7, 22—24.

† Ibid., 20.

родственниковъ и не даютъ воли своимъ влеченіямъ; онѣ эгоистки, ибо „рѣдко умная женщина рѣшится броситься на шею любимому мущинѣ, не связавъ его предварительно крѣпкимъ обѣщаніемъ предъ лицомъ общества и церкви“ *; онѣ паразитки, ничего не производящія „кромѣ супружескаго счастія“ **; онѣ склонны поддаваться „нелѣпому обычаю теологическаго мистицизма (таинству брака)“ ***. Но, обвиняя женщинъ, Писаревъ въ то же самое время и соболѣзнуетъ о нихъ, ибо признаетъ что источникъ зла, общаго для обоихъ половъ, кроется въ рабствѣ женщинъ, которое подлежитъ немедленному разрушенію. Женщина у насъ, по его мнѣнію, порабощена какъ дѣвушка, какъ жена и какъ раба. Рабство дѣвушекъ не требуетъ доказательствъ, ибо объясняется зловреднымъ вліяніемъ семьи (отцовъ и матерей); въ замужествѣ женщина порабощается „долгомъ“, что̀ крайне нелѣпо, ибо „женщина не виновата если измѣняетъ намъ и отдается другому“; во вдовствѣ она порабощается, такъ-сказать, временемъ,—остается свободною тогда когда сама не знаетъ что̀ дѣлать съ этою свободой ****.

III.

Прежніе люди, мущины и женщины, оказались никуда негодными; явилась потребность въ новыхъ людяхъ, долженствующихъ стать солью Русской земли. *Какіе* же ожидались новые люди?

Новымъ человѣкомъ управляютъ только (говоритъ Писаревъ) личныя выгоды или личные разчеты. *Ни надъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принципа...* Онъ дѣлаетъ только то что̀ ему пріятно: ему пріятно то что̀ ему хочется, слѣдовательно онъ дѣлаетъ только то что̀ ему хочется... Онъ считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять свою особу въ чемъ бы то ни было; онъ ни въ комъ не нуждается, никого не боится, никого не любитъ и вслѣдствіе этого никого не щадитъ... Люди *новые* могутъ безъ малѣйшей

---

* Ц. II, 20.

** Ibid., 63.

*** Ibid., 67.

**** Ibid., § 26, стр. 63—66.

опасности быть эгоистами до последней степени *. Сказать: „эгоистъ“ значитъ сказать: „человѣкъ“; ибо „эгоизмъ есть полная свобода личности, уничтоженіе обязательныхъ трудовъ и добродѣтелей.“ ** „Понятія жертвы и стѣсненія, говоритъ одинъ изъ адептовъ новаго ученія, совершенно не имѣютъ себѣ мѣста въ міросозерцаніи новыхъ людей“. Толковать о нравственныхъ началахъ и о какомъ-то „общемъ идеалѣ“ обязательномъ для всѣхъ также глупо какъ говорить объ „общихъ очкахъ или общихъ сапогахъ сшитыхъ по одной мѣркѣ и *** на одну колодку“ (Писаревъ). Итакъ, эгоизмъ, можно сказать, главная нигилистическая добродѣтель, покоящаяся на „удовлетвореніи естественныхъ потребностей“. Въ этомъ отношеніи *новый* человѣкъ есть *панъ*, *баринъ*, праву котораго никто не смѣетъ препятствовать. До какой степени онъ эгоистъ до той же степени простирается его „дерзость“. Вѣроятно въ минуты откровенности вотъ какъ проговорился на этотъ счетъ Писаревъ: „Дерзость наша равняется только нашей глупости и только нашею глупостью можетъ быть объяснена и оправдана“. ****

Эгоизмъ „новаго“ человѣка, его индивидуальность, вполнѣ выясняются въ отношеніяхъ къ женщинѣ. Когда „реалистъ“ (онъ же и „новый“ человѣкъ) встрѣтится съ женщиной, когда ее полюбитъ, и когда она отвѣтитъ ему тѣмъ же: то онъ разсуждаетъ (конечно вслухъ) такъ: „любовь—такъ любовь; торгъ—такъ торгъ; а любви съ гарантіями и условіями я не понимаю“ †. Полюбивъ женщину, „реалистъ“ не станетъ охлаждать и сдерживать себя, но не станетъ и подогрѣвать своего чувства, „когда оно остынетъ послѣ полнаго удовлетворенія“. Повинуясь лишь стимулу „естественныхъ потребностей“, новый человѣкъ „можетъ отдаваться очарованію многихъ женщинъ одной за другой“, но онъ не способенъ „поддерживать съ женщиной обязательныя отношенія“, не способенъ именно потому что новые люди чувствуютъ физіологическое отвращеніе „къ самой гуманной и добродушной эксплуатаціи“. †*

---

* Ц. II, стр. 16 и 21.
** Ibid., 80.
*** Ibid., 61—62.
**** Ibid., 9.
† Ibid., 21.
†* Ц. II, стр. 20—21.

Сильный эгоизмомъ, сильный дерзостью, новый человѣкъ, „реалистъ", долженъ быть силенъ и крѣпокъ волей, долженъ быть атлетомъ, борцомъ отрицанія. Онъ долженъ, поучаетъ Добролюбовъ, „предпринять коренное измѣненіе ложныхъ общественныхъ отношеній стѣсняющихъ нашу дѣятельность". Нельзя же „цѣлые годы и десятки лѣтъ сидѣть сложа руки и грустнымъ взоромъ смотрѣть на зло и неправду въ обществѣ!" Надобно „стать выше этого общества, признать его явленіемъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ, уродливымъ... Проповѣдывать необходимость радикальнаго лѣченія, серіозной операціи. Почувствуйте только какъ слѣдуетъ право вашей собственной личности на правду и на счастіе, и вы самымъ непримѣтнымъ образомъ придете ко кровной враждѣ съ общественною неправдой..." * Въ послѣдней тирадѣ проглядываютъ цѣли отдаленныя, практика въ будущемъ. На первыхъ порахъ, въ эпоху формированія „новыхъ людей", дѣло было въ задачахъ только теоретическаго свойства. Такихъ задачъ Добролюбовъ насчитываетъ пять, а именно: а) энергичность натуры довести въ себѣ до „настоящаго героизма"; b) либерализмъ до того чтобы чутко внимать „стону и воплю несчастныхъ братьевъ" (писано въ 1860 году, въ разгаръ работъ по освобожденію крестьянъ); с) не бояться уголовной отвѣтственности; д) разрушить семейный деспотизмъ и е) равнымъ образомъ поступить со множествомъ предразсудковъ „неразлучныхъ съ системами, курсами и вообще съ рутиной образованія." ** Писаревъ упрощаетъ эти суровыя задачи, легче на нихъ смотритъ и игривѣе рисуетъ нигилистическую дѣятельность. Дѣятельность эта должна быть неугомонною; трудъ новыхъ людей—безустаннымъ и безконечнымъ. Но что трудъ этотъ не мускульный, не техническій,—это явствуетъ уже изъ задачъ подлежавшихъ рѣшенію и еще виднѣе изъ различія которымъ самъ себя отличаетъ „новый" человѣкъ отъ простаго работника: „Трудъ тѣхъ людей которые кормятъ и одѣваютъ насъ въ высшей степени полезенъ, но эти люди совсѣмъ не реалисты." *** Писаревъ, предпочитавшій сапожниковъ поэтамъ и соглашавшійся на словахъ лучше быть булочникомъ

---

* Ibid., стр. 48—49.

** Ц. III, стр. 28—29.

*** Ц. II, стр. 18.

чѣмъ Рафаэлемъ, на дѣлѣ отъ техническаго труда отворачивался и предпочиталъ ему трудъ интеллигентный, хотя будто бы и тяжелый, но неразлучный съ „наслажденіемъ“, съ удовлетвореніемъ *всѣхъ* „естественныхъ потребностей“. Тѣмъ не менѣе въ противоположность „эстетикамъ“ или романтикамъ, людямъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, воспитаннымъ на крѣпостномъ правѣ, „болтунамъ“, а не дѣятелямъ, „новые люди“ считаютъ себя, такъ-сказать, первоначальниками „труда“ въ землѣ Русской, находившейся до ихъ появленія въ непробудномъ снѣ. Необходимо поэтому, не довольствуясь вышеприведенною программой, войдя въ подробности „трудовой“ жизни „новаго человѣка“, перебрать виды его „трудовъ“.

Какъ трудъ „умственный“, нигилизмъ нуждается въ пропагандѣ устной и литературной; хотя оба рода дѣятельности и тѣсно связаны между собою, но не всякій можетъ быть въ одно и то же время нигилистомъ-практикомъ и нигилистомъ-теоретикомъ. Практическое поприще дѣятельности для „новаго человѣка“ очень велико. Онъ идетъ на проповѣдь новой доктрины, то-есть уничтожаетъ „эстетику“ и распространяетъ „естественно-научный реализмъ по всѣмъ сферамъ домашняго быта“. Онъ вербуетъ новобранцевъ, то-есть „размножаетъ мыслящихъ людей“: онъ развиваетъ женщинъ, то-есть присоединяетъ ихъ къ числу своихъ послѣдователей. Увеличенное отъ присоединенія женщинъ число „мыслящихъ людей“ возрастаетъ и образуетъ грозную силу, „мыслящій пролетаріатъ“, къ созданію котораго должны быть направлены всѣ стремленія лучшихъ изъ „новыхъ людей“. „Размножать мыслящихъ людей, учитъ Писаревъ, вотъ альфа и омега всякаго разумнаго общественнаго развитія. Кто отвлекаетъ молодежь отъ этого дѣла тотъ вредитъ общественному развитію.“ * Процессъ такого размноженія всего удобнѣе производить посредствомъ „кружковъ“; но по поводу сего мы имѣемъ слѣдующее наставленіе Писарева: „Пусть каждый дѣйствуетъ своимъ непосредственнымъ вліяніемъ въ томъ самомъ кружкѣ въ которомъ онъ живетъ постоянно и на тѣхъ самыхъ людей съ которыми онъ находится въ ежедневныхъ сношеніяхъ... Вовлекайте вашихъ братьевъ, сестеръ, родственниковъ, товарищей, всѣхъ тѣхъ людей которыхъ

* Ц. II, стр. 18.

вы знаете лично и которые питаютъ къ вашей особѣ довѣріе“... * Роль „дѣятеля“ выясняется изъ взглядовъ Добролюбова, болѣе глубокихъ чѣмъ нѣсколько игривыя мысли Писарева. „Намъ нужны „дѣятели“, говоритъ авторъ *Темнаго Царства*, съ дѣтства охваченные одною идеей, сжившіеся съ ней такъ что имъ нужно или доставить торжество этой идеѣ, или умереть... Намъ не нужны герои-освободители, какъ нужны они какимъ-нибудь Болгаромъ; намъ нужны герои („дѣятели“) для борьбы со врагами внутренними.“ „Развѣ мало у насъ враговъ внутреннихъ? спрашиваетъ Добролюбовъ; развѣ не нужна борьба съ ними и развѣ не требуется геройства для этой борьбы?“ ** Выше мы привели черты коими Добролюбовъ обрисовывалъ вообще „новыхъ людей“; но черты эти для типа „новаго человѣка“ вообще слишкомъ рѣзки, черезчуръ требовательны: онѣ осуществимы лишь къ реалистѣ высшей природы, въ „дѣятелѣ“. Въ дополненіе въ характеристикѣ послѣдняго, въ основаніи которой должна лежать непримиримая ненависть къ существующему порядку, приводимъ еще слѣдующія изреченія Добролюбова: „Обязанность честнаго человѣка („дѣятеля“), говоритъ онъ,—принимать рѣшительныя, радикальныя воззрѣнія и переходить отъ нихъ уже прямо къ дѣятельности...“ ни предъ чѣмъ не останавливаясь; ибо „самое худое, что я могу потерпѣть,—это смерть; но вѣдь я все равно умру же, стало-быть я ничѣмъ не рискую...“ (многоточіе въ подлинникѣ). *** День расплаты, день борьбы со внутреннимъ врагомъ, „во всякомъ“ случаѣ „канунъ“ того дня въ который „дѣятели“ одолѣютъ этого врага, не за горами. **** Пока же, въ ожиданіи этого вожделѣннаго дня, „надобно радоваться каждой новой смерти въ старомъ поколѣніи, надобно разить все отжившее“ †.

Какой серіозный смыслъ пріобрѣтаютъ всѣ эти пустыя сами по себѣ слова если припомнить какъ народившаяся шайка шагъ за шагомъ отъ безумныхъ ученій переходила къ безумнымъ дѣйствіямъ.

---

* Ц. II, стр. 80.
** Ц. III, стр. 29.
*** Ц. II, стр. 49—50.
**** Ц. III, стр. 30.
† Ц. II, стр. 50.

IV.

Разрушая „эстетику" и осуждая на погибель европейскую цивилизацію вообще и русскую въ особенности, первоначальники нигилизма были еще далеки отъ практической революціонной дѣятельности. Своею ближайшею задачей они поставили нигилизовать литературу и школу, и послѣднія обращались въ превосходныя орудія пропаганды, что̀ отлично поняли первые основатели новаго ученія: Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ, прославившіеся въ качествѣ литературныхъ а не практическихъ „дѣятелей".

Не забудемъ что въ названные годы литературная дѣятельность Бѣлинскаго еще была у всѣхъ въ свѣжей памяти и что университетское образованіе еще не потеряло, какъ позже, своего обаянія. Тогда казалось что въ журнальной дѣятельности безъ *новыхъ* Бѣлинскихъ обойтись невозможно, т.-е. безъ людей молодыхъ, даровитыхъ, способныхъ къ пропагандѣ либеральныхъ идей (какихъ, объ этомъ не заботились). Поэтому нечего удивляться что отцы нигилизма, люди во всякомъ случаѣ даровитые и всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворявшіе, тотчасъ же заняли господствующее положеніе въ петербургской журналистикѣ, — именно положеніе Бѣлинскаго въ 40хъ годахъ. Съ этой стороны сходство ихъ съ Бѣлинскимъ несомнѣнно: Чернышевскій и Добролюбовъ стали Бѣлинскими у Некрасова въ *Современникѣ*, Писаревъ у Благосвѣтлова въ *Русскомъ Словѣ*. Некрасовъ въ качествѣ редактора *Современника* былъ кормильцемъ и питателемъ цѣлой оравы нигилистовъ. Въ благодарность ему дозволялось писать стихи, ибо де онъ, по выраженію Писарева, горячо сочувствовалъ „страданіямъ народа" (прекращеннымъ 19 февраля 1861 года), точно такъ же какъ Чернышевскому дозволялось писать романъ. „Нашу публику, говорилъ въ 1864 году Писаревъ, слѣдуетъ заманивать и подкупать разными фокусами то комическаго, то лирическаго свойства", *—не особенно лестный отзывъ о поэтѣ, котораго нѣкоторые безъ затрудненія причисляютъ къ числу дѣятелей прославившихъ (!) прошлое царствованіе **.

---

* Ц. II, стр. 93.

** См. *Русскую Старину* 1878, т. XXI, стр. 357—361.

Само собою разумѣется что еслибъ эти журналы наполнялись только твореніями названныхъ корифеевъ реализма (что̀, какъ извѣстно, въ журналистикѣ не мыслимо), или еслибъ эти творенія содержали въ себѣ одинъ чистѣйшій нигилизмъ, нигилизмъ *красный*; тогда бы, уже по однимъ цензурнымъ условіямъ, какъ ни эластичны они, дальнѣйшій путь его развитія былъ бы пріостановленъ. Но дѣло въ томъ что нигилистическая пропаганда въ журнальной формѣ значительно блѣднѣла, а подъ щитомъ реализма, въ одѣяніи котораго выступала, даже обѣлялась: реализмъ же былъ въ духѣ того времени о которомъ мы говоримъ, и ничего опаснаго казалось въ себѣ не имѣлъ; напротивъ, считался явленіемъ прогрессивнымъ и даже либеральнымъ, ибо у насъ что *ново*, то и либерально. Завладѣвъ журналистикой, нигилистическая пропаганда расчищала себѣ eo ipso широкій путь въ школу и въ семью; ибо по несчастію, по причинѣ нашей умственной недозрѣлости и порождаемой ею дряблости, все *новое* имѣетъ для насъ великую приманку и успѣваетъ проникать въ сферы повидимому наименѣе удобныя для перемѣнъ.

Завоеваніе школы наши нигилисты не безъ основанія считали главнѣйшею своею задачей, даже болѣе важною чѣмъ завоеваніе семьи или развитіе женщинъ. Подъ именемъ „школы" здѣсь надо понимать русскія учебныя заведенія, среднія и высшія. „Когда взята школа, говоритъ Писаревъ, тогда побѣда упрочена, таракань пойманъ... Взятіе школы составляетъ важнѣйшій результатъ и драгоцѣннѣйшій плодъ побѣды. Взять школу значитъ упрочить господство своей идеи надъ обществомъ... Школа вездѣ и всегда составляетъ самую крѣпкую и неприступную цитадель всевозможныхъ традицій"; * по намъ, думаетъ Писаревъ, нечего отчаяваться, ибо поможетъ само начальство введеніемъ „послѣдовательнаго реализма" и изданіемъ „реальнѣйшихъ предписаній". ** И нашъ мыслитель не обманулся въ своихъ надеждахъ: все такъ и случилось какъ онъ предсказывалъ. „Послѣдовательный реализмъ" проведенъ былъ по всѣмъ среднимъ школамъ и даже въ начальномъ домашнемъ образованіи. Сущность „послѣдовательнаго реализма" состояла и состоитъ у насъ съ одной стороны въ преслѣдованіи и изгнаніи изъ учебныхъ заведеній древнихъ

* Ц. III, стр. 55—56.

** Ibid.

языковъ, всякаго усидчиваго труда, идеальныхъ стремленій и дисциплины, съ другой — въ жаждѣ облегченій, послабленій, въ даровомъ ученьѣ и притомъ „чему-нибудь и какъ-нибудь“, по доброй охотѣ учащихся, обусловливаемой легкостью и пріятностью. Такая система образованія и воспитанія (о ней мы говорили въ другомъ мѣстѣ) *, по всей справедливости, можетъ носить имя Простаковой, главной героини комедіи Фонвизина *Недоросль*, съ чѣмъ соглашается и Писаревъ, хотя выражается объ этомъ и въ шуточной формѣ. Главное достоинство Простаковой, по мнѣнію нашихъ реалистовъ, состоитъ въ томъ что она „понимаетъ что когда человѣкъ не хочетъ учиться, то и толковать объ этомъ нечего“, ** чего никакъ не могутъ понять просвѣщенные педагоги. Но для полнаго процвѣтанія „послѣдовательнаго реализма“ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ необходима коренная реформа въ домашнемъ воспитаніи, начиная съ младенческаго возраста. И въ этомъ отношеніи предлагается цѣлая система. По теоріи новаго воспитанія, „сознаніе своей личности и своихъ человѣческихъ правъ“, своей свободы, ребенокъ всасываетъ вмѣстѣ съ молокомъ матери или кормилицы; начало слѣпаго авторитета, господствовавшее въ старомъ воспитаніи, должно быть радикально уничтожено. Стараніе удержать ребенка въ тѣхъ понятіяхъ и въ тѣхъ правилахъ которыхъ держалось старое поколѣніе—„стараніе вредное въ высшей степени какъ скоро оно доходитъ до стѣсненія воли и ума ребенка“; ибо, разсуждаетъ думающій такимъ образомъ Добролюбовъ, „какъ ни одному человѣку невозможно распоряжаться въ желудкѣ другаго и управлять ходомъ его пищеваренія, такъ точно никто не можетъ распоряжаться въ мозгу человѣка“. *** Старшіе люди предыдущаго поколѣнія не могутъ знать того что̀ нужно будетъ „молодымъ“; это зависитъ отъ несходства организмовъ. „Старый человѣкъ любитъ тепло, ищетъ солнца; молодой ищетъ холода.... Старый погружается въ вопросы метафизическіе, молодой ищетъ отвѣта въ физіологіи“. **** Въ системѣ нигилистическаго воспитанія и вообще

---

* См. нашу статью „Военно-учебный реализмъ“ въ *Русск. Вѣстн.* 1877, № 4.

** Ц. III, стр. 68—69.

*** Ц. III, стр. 65.

**** Ibid., стр. 65—66.

реализма физіологія замѣняетъ не только психологію, но и религію, слѣдовательно въ ней заключается и источникъ морали. „Можно положительно сказать, говоритъ Добролюбовъ, что старанія *дѣйствовать на сердце дитяти* (курсивъ въ подлинникѣ) совершенно напрасны". Напрасны и наши хлопоты заботиться о (моральной) чистотѣ ребенка; ибо какъ молочные зубы выпадаютъ и потомъ замѣняются настоящими, такъ, по мнѣнію Добролюбова, выпадутъ и наши „молочныя идеи": „ребенокъ понимаетъ инстинктивно свою пользу гораздо вѣрнѣе чѣмъ ее понимаютъ взрослые". Для ребенка все должно быть открыто и доступно: „рано или поздно, черезъ лакейскую или черезъ дѣвичью, говоритъ Добролюбовъ, онъ узнаетъ всѣ тайны, семейныя или физіологическія, которыя скрывались отъ него самымъ положительнымъ образомъ" *. Собственно воспитаніе есть зло, а если оно уже существуетъ, такъ какъ ничего не подѣлаешь съ людьми: то по крайней мѣрѣ „воспитывать вообще, по мнѣнію Писарева, слѣдуетъ какъ можно менѣе". ** А умный и широко-развитой человѣкъ, говоритъ этотъ педагогъ, идетъ еще далѣе: онъ „никогда не рѣшится воспитывать ребенка; онъ пойметъ что врываться въ интеллектуальный міръ другаго человѣка со своею иниціативой безчестно и нелѣпо". *** „Естественное, правильное, здоровое развитіе всѣхъ силъ организма, поучаетъ Добролюбовъ, гораздо болѣе значитъ нежели всякія нравоучительныя сентенціи и патетическія тирады", **** то-есть нравственно-религіозный элементъ воспитанія; но Писаревъ эту немного-сложную задачу еще упрощаетъ: по его мнѣнію, „хорошо кормить ребенка и удалять отъ него вредные предметы",— вотъ вся и задача воспитанія. † Учить нужно тоже какъ можно меньше, и притомъ главное дѣло образованія состоитъ „не въ знаніи, а въ развитіи". Но образованіе уже дѣло школы, среднихъ учебныхъ заведеній, которыя нигилизировались частію путемъ „послѣдовательнаго реализма", большею же частью посредствомъ литературы, то-есть журналистики.

---

* Ц. III, стр. 66—67. Уже одна эта тирада показываетъ что у ех-семинариста Добролюбова затѣи и вкусы были совсѣмъ не мѣщанскіе, а барскіе.

** Ibid., 71.

*** Ibid., 69.

**** Ibid., 68.

† Ibid., 70.

„Чѣмъ меньше молодой человѣкъ будетъ знать, говоритъ Писаревъ, по окончаніи гимназіи, тѣмъ лучше, * потому что тѣмъ скорѣе сдѣлается „послѣдовательнымъ реалистомъ“; кто же хочетъ содѣйствовать успѣхамъ образованія, „тотъ долженъ прежде всего обращать вниманіе на то ученіе которое производится послѣ школы“, ** т.-е. нигилистическую пропаганду устную и литературную. Съ такой точки зрѣнія на гимназическое образованіе поступленіе въ университетъ считается дѣломъ весьма неважнымъ, хотя полезность университетскихъ дипломовъ и не отвергается. Поступить въ университетъ,— это значитъ, говоритъ Писаревъ, „еще на четыре года отложить свое превращеніе въ экономическихъ производителей“ ***, что̀ и справедливо: гимназистъ развившійся на нигилистической литературѣ тотчасъ же превращается въ такого производителя, между тѣмъ какъ студентъ уже съ третьяго курса становится сомнительнымъ, а въ четвертомъ пожалуй станетъ и совсѣмъ безнадежнымъ. Но гимназисты (а потомъ и гимназистки) уже не школьники, не ученики, а „молодежь“, „молодое поколѣніе“. Эту „молодежь“ начинаютъ возбуждать, надмевать, заставляютъ ее кичиться своею молодостью; ей льстятъ; изъ нея дѣлаютъ свою „партію“, на которую и опираются и ссылаются вожаки нигилизма; ей говорятъ, напримѣръ, такія вещи: „философскія умствованія, эстетическія соображенія, историческіе, литературные и всевозможные общіе взгляды можетъ бросать всякій мальчишка со школьной скамьи; слѣдуетъ только подумать нѣсколько часовъ, а не нужно проводить мѣсяцы и годы въ переборкѣ, сличеніи, переписываніи и выпискахъ изъ десятковъ и сотенъ книгъ“ (Добролюбовъ).****

V.

Мы уже видѣли что трудъ „новыхъ людей“ немыслимъ безъ „наслажденія“, которое играетъ роль хорошаго вина. т.-е. освѣжаетъ и возбуждаетъ утомленныя силы трудящихся, „наслажденіе“, какъ замѣчено выше, состоитъ въ любви къ женщинѣ. Но такъ какъ женщины находятся де у насъ въ

* Ц. III, стр. 71.
** Ibid., 59.
*** Ibid., 74.
**** Ibid., 57.

рабскомъ состоянiи; поэтому о „любви", въ ея теперешнемъ status quo, нечего говорить: такая „любовь" не только не освѣжитъ „новыхъ людей", не только не поможетъ ихъ пропагандѣ, но, напротивъ, равносильна самымъ тяжелымъ цѣлямъ. Поэтому необходимо не только эманципировать русскую женщину, но и создать новую теорiю любви. Чтобъ эманципировать женщину, для этого нужно просвѣтить ее, развить, прiобщить, такъ-сказать, къ нигилистическому стаду; для такой роли необходимы „развиватели". Развиванiе женщинъ—не легкое дѣло; оно представляетъ цѣлую систему. Успѣхъ развитiя обусловливается „любовью", т.-е. любовною „связью"; по крайней мѣрѣ Писаревъ безъ этого условiя даже не совѣтуетъ приниматься „за великую дѣятельность просвѣтителя". Вотъ его мораль: если же вы не расположены къ этому, „тогда оставьте въ покоѣ тоскующую (?) женщину и уходите отъ нея подальше, потому что ваши безсильныя утѣшенiя и неприменимые совѣты не дадутъ ей ровно ничего кромѣ лишняго горя". * Развиватель долженъ твердить что „трудъ современныхъ реалистовъ совершенно доступенъ женщинѣ"; что женщины не должны бояться ни общественнаго мнѣнiя, ни родителей, что онѣ должны „безъ оглядки и безъ боязни отдаваться влеченiю господствующаго чувства"; „если мущина и женщина трудятся въ одинаковомъ направленiи, если они оба любятъ свою работу, или оба способны понять ея цѣль, то они начинаютъ чувствовать другъ ко другу симпатiю и уваженiе, и наконецъ мущина и женщина призываютъ на свой союзъ благословенiе любви"; „женщина находится у насъ въ такомъ положенiи, при которомъ она не отвѣчаетъ ни за что; когда она изнемогаетъ и *падаетъ*, мы должны сочувствовать ей какъ мученицѣ, когда она одолѣваетъ препятствiя, мы должны прославлять ее какъ героиню"; „женщина должна употребить всѣ усилiя чтобы какъ можно ближе подойти къ полному самоосвобожденiю, несмотря на строгости формальнаго закона"; „чтобы бороться съ семейнымъ деспотизмомъ, не разборчивымъ на средства, надо обладать значительною силой характера. Сила характера развивается на свободѣ и глохнетъ подъ нѣжнымъ давленiемъ"; поэтому ни одна порядочная дѣвушка не должна считать „своею обязанностью въ выборѣ мужа руководствоваться

---

* Ц. II, стр. 67.

вкусомъ дражайшихъ родителей"; женская грація—глупость; „близость здороваго мущины вызываетъ радостное волненіе въ здоровой дѣвушкѣ; совершенная непосредственность и неподкрашенность простаго физіологическаго влеченія составляютъ весь секретъ ея граціи." * Такія и подобныя сентенціи долженъ внушать „развиватель" своимъ юнымъ слушательницамъ для того чтобы вполнѣ ихъ нигилизировать, т.-е. эмансипировать отъ того рабства въ которомъ пребывала до сихъ поръ русская женщина. Словомъ, „разрушеніе эстетики" нигдѣ не практиковалось въ такихъ размѣрахъ какъ въ „женскомъ вопросѣ"; такъ какъ самая сущность женской эманципаціи заключается главнымъ образомъ въ освобожденіи отъ этой несносной „эстетики", въ полномъ приравненіи женщинъ къ мущинамъ. По мнѣнію Писарева, которому принадлежатъ и выше приведенныя цитаты, въ рукахъ хорошаго развивателя такая задача рѣшается очень скоро: „въ одинъ мѣсяцъ (развиватель) заставитъ ее (женщину) взяться за умъ, задуматься надъ тѣми нелѣпостями которыя она видитъ и слышитъ вокругъ себя. За размышленіемъ слѣдуетъ отвращеніе, а такъ какъ природа не терпитъ пустоты, то женщина старается замѣнить въ своемъ умѣ выброшенныя нелѣпости какимъ-нибудь живымъ и осмысленнымъ содержаніемъ". ** Успѣхи развиванія, конечно, зависятъ отъ способностей оратора и отъ подготовки слушательницъ: но въ помощь ему и этимъ послѣднимъ указывается: что̀ именно нужно дѣлать и какимъ образомъ. Такъ „развиватель" долженъ налегать на Бокля, Дарвина, на политическую экономію (по воззрѣніямъ Чернышевскаго), на популяризацію естествознанія, т.-е. долженъ познакомить со всѣмъ этимъ своихъ слушательницъ. Послѣ такого изученія онъ долженъ держать къ нимъ слѣдующую рѣчь: „Есть же въ русской литературѣ журналы въ честности которыхъ нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться; читайте тѣ книги которыя они будутъ вамъ рекомендовать. Не бойтесь соціально-экономической теоріи, занимайтесь этою наукой, и она научитъ васъ тому что̀ вамъ знать всего необходимѣе: она научитъ васъ оберегать свои собственные интересы и создавать себѣ тѣ выгоды которыми вы нынче не пользуетесь. Займитесь тѣмъ что̀ вы можете дѣлать

---

* Ц. II, стр. 18, 20, 27—28, 71, 74—75, а также III, стр. 70.

** Ц. II, стр. 75—76.

выгоднѣе всего. Экономическая независимость есть первая и главная независимость общественнаго положенія женщины. Читайте хорошіе русскіе журналы, ихъ хотя и мало, но они есть: * читайте, читайте, читайте!" ** Но какъ достигнуть „экономической независимости", когда матеріальныя блага нужныя всякому человѣку уже захвачены „самодурами" (то-есть родителями), подъ вліяніемъ которыхъ находится слабая, угнетенная сторона? Вопросъ этотъ, по мнѣнію Добролюбова, рѣшается очень просто, на основаніи Дарвиновскаго закона борьбы за существованіе: отъ самодуровъ „можно бы и *потребовать* того чѣмъ они владѣютъ не по праву." *** Эманципированная такимъ образомъ—черезъ развивателей, или самостоятельно, посредствомъ чтенія *Современника* и *Русскаго Слова* — дѣвушка становится уже вполнѣ способною къ воспріятію новой теоріи любви, которая, по нигилистической утопіи, должна царить въ обществѣ, окончательно разрушивъ старую теорію, основанную на цѣломудріи, женственности и святости семейныхъ узъ. „Новая любовь" есть любовь „свободная", по образу и подобію животныхъ, съ правомъ перехода отъ одного къ другому, проще—есть проституція, развратъ. Эта теорія весьма послѣдовательно развивается Добролюбовымъ въ его знаменитой статьѣ *Темное Царство*, гдѣ прозрачно доказывается что нельзя считать „паденіемъ если женщина предается полному наслажденію любовью". Дѣйствительное паденіе—„бракъ": „вотъ (гдѣ) потеря нравственной чистоты и силы!" Стóитъ только измѣнить „пошлый языкъ нашей искуственной морали", говоритъ этотъ мнимый преемникъ Бѣлинскаго, и тогда не трудно было бы доказать что проституція выше брака; но о публичныхъ женщинахъ „даже и не говорятъ нравственные люди, по крайней мѣрѣ въ трезвомъ видѣ": таковы „чопорные пуристы формальнаго цѣломудрія"! ****

Все сказанное нами до сихъ поръ относится къ отрицательной сторонѣ новаго ученія; но гдѣ же его положительная сторона? Такой стороны, строго говоря, совсѣмъ нѣтъ. Правда,

* Писано въ 1865 году, слѣдовательно рѣчь идетъ о *Современникѣ* и о *Русскомъ Словѣ*.

** Ц. II, стр. 76.

*** Ibid., стр. 77—78.

**** Ц. III, стр. 26—27.

по разрушеніи религіи, получается *атеизмъ*, нравственности — *безнравственность*, цѣломудрія — *распутство*, семьи и гражданственности—*одичаніе*, государственности — *анархія* и т. п.; но эти и подобныя понятія, будучи сами по себѣ отрицательнаго свойства, суть не что иное какъ видовыя понятія одного родоваго, общаго имъ всѣмъ,—*разрушенія*. Поэтому признавать нигилизмъ системой, ученіемъ или доктриной, можно только иронически; заключаясь въ разрушеніи всякой гражданственности, нигилизмъ не представляетъ собою никакой философствующей, прогрессивно развивающейся мысли, напримѣръ хотя бы въ родѣ соціальной демократіи, которая съ самаго начала несомнѣнно стала уже его подкладкой. Нашъ нигилизмъ, по крайней мѣрѣ въ устахъ первыхъ своихъ проповѣдниковъ, есть тупое отрицаніе и ничего болѣе.

VI.

Нашъ нигилизмъ—язва соціальная, подобно западно-европейской соціальной демократіи; но онъ отличается отъ этой послѣдней тѣмъ что вытекаетъ не изъ экономическихъ причинъ, а изъ культурныхъ. Болѣзнь западно-европейскихъ обществъ кроется въ недостаткахъ или въ ненормальностяхъ ихъ соціальнаго и экономическаго положенія; мы болѣемъ духовно, у насъ гніетъ не экономическій строй нашей жизни, вообще крѣпкій и здоровый; у насъ ядъ гніенія вносится въ самую культуру нашу, едва насчитывающую полтораста лѣтъ своего существованія. Для разъясненія болѣзни современности не излишне прослѣдить главнѣйшія фазы этой культуры, особенно въ новое время.

Послѣ эпохи насадителя нашего образованія, Петра, наиболѣе плодотворнымъ временемъ для нашей культуры были славные годы царствованія императрицы Екатерины II. Тогда впервые, но громко, раздался протестъ противъ слѣпаго подражанія всему иностранному; тогда впервые, но громко, заговорило въ насъ чувство національнаго достоинства. Державинъ и Фонвизинъ были полными выразителями этой бодрой и крѣпкой эпохи, къ которой мы еще не научились относиться вполнѣ объективно, угнетаемые разными кошмарами, постоянно удручающими русскій критикующій умъ. Заведеніе духовныхъ семинарій и учрежденіе высшихъ и

низшихъ народныхъ училищъ (по городамъ) на всемъ пространствѣ Имперіи имѣло образовательное значеніе. Плоды принесенные этими учебными заведеніями вполнѣ обнаружились уже въ Павловское и Александровское время. Особенно были удачны семинаріи, частію потому что эти школы были строго классическими, частію потому что наше духовенство раньше другихъ сословій было подготовлено къ серіознымъ учебнымъ занятіямъ, что духовное юношество было трудолюбивѣе, меньше отвлекалось отъ книги чѣмъ юношество достаточныхъ классовъ.

Что̀ бы ни говорили о Екатерининскомъ вельможествѣ, оно, въ погонѣ за европейскимъ просвѣщеніемъ и при сочетаніи „французскаго съ нижегородскимъ", крѣпостныхъ замашекъ съ европейскими вкусами, прежде всего было и *желало* быть русскимъ. Странно было бы судить о немъ по тогдашнимъ сатирическимъ журналамъ, или по комедіи Грибоѣдова, по филиппикамъ противъ него Чацкаго, какъ мы продолжаемъ судить о немъ до сихъ поръ, не справляясь даже съ Державинымъ, судьей въ этомъ случаѣ болѣе компетентнымъ, который находилъ же нужнымъ дать характеристику *истиннаго* (т.-е. полезнаго) вельможи *. Распространившееся массонство имѣло у насъ не малое значеніе тѣмъ что связывало вельможество съ массой дворянства вообще, со служащимъ чиновничествомъ, съ городскими сословіями и отчасти съ духовенствомъ. Примкнувшее къ массонству, хотя изъ него и не вытекавшее, сентиментальное направленіе имѣло у насъ еще большее значеніе. Кругъ его вліянія былъ несравненно шире, ибо распространялся на цѣлую половину общества, которой не касалось массонство,—на женщинъ, оно входило въ нѣдра семействъ, измѣняло воспитаніе и бытовыя условія. У насъ оно было особенно сильно и плодотворно, потому что появилось одновременно съ рожденіемъ національной литературы (въ настоящемъ значеніи этого слова, т.-е. какъ выразительницы умственныхъ потребностей общества) въ произведеніяхъ такого талантливаго писателя какъ Карамзинъ; при бѣдности нашей тогдашней литературы, переводная, явившаяся въ громадномъ количествѣ, продолжала дѣйствовать въ томъ же направленіи и распространяла охоту къ чтенію

* См. въ Гротовскомъ изданіи Державина. Т. I, стр. 627—628, 629, 635—632.

во всѣхъ грамотныхъ классахъ общества. Сентиментальное направленіе перешло въ XIX вѣкъ, какъ перешло и массонство, возродившееся, послѣ Екатерининскаго разгрома массонскихъ ложъ, при императорѣ Александрѣ I, хотя уже въ нѣсколько иномъ видѣ; массонскія и сентиментальныя тенденціи весьма замѣтны въ дѣятельности библейскихъ обществъ, распространившихся при этомъ государѣ по всѣмъ угламъ Россіи, обществъ не только чуждыхъ всякой сословности, но не обращавшихъ вниманія даже на исповѣдное различіе. Мечтательной душѣ императора Александра Павловича были весьма симпатичны всѣ эти *чужія* направленія, пользовавшіяся особымъ его одобреніемъ, а потому они распространились необыкновенно быстро и на очень большое пространство. У насъ не мало издѣвались надъ этими явленіями, не мало тратилось сарказмовъ, бросавшихся въ укоръ тогдашнимъ русскимъ людямъ, яко бы измѣнявшимъ своей народности; но сатирическія обличенія всегда принадлежатъ къ самымъ плохимъ источникамъ для исторіи: *чужія* направленія никогда не мѣшали русскимъ людямъ оставаться Русскими, какъ не помѣшалъ имъ въ 1812 году французскій языкъ истреблять арміи величайшаго изъ полководцевъ. Самый фактъ распространенія у насъ подобныхъ *западныхъ явленій* громко свидѣтельствуетъ что въ обществѣ пробудилась уже потребность умственнаго движенія того же рода которое обнаружилось тогда во всей западной Европѣ. Уже свободнымъ и торнымъ путемъ вошелъ къ намъ и распространялся у насъ германскій романтизмъ, роскошно процвѣтавшій у насъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Хотя онъ и былъ у насъ сначала на сентиментальной подкладкѣ, но уже у Жуковскаго онъ начинаетъ обращаться къ родной старинѣ, а въ Пушкинѣ уже прямо переходитъ къ народности, къ національному творчеству и самосознанію.

Сравнительно съ Екатерининскимъ временемъ Хомяковъ называетъ Александровскую эпоху „разваряющею“, * то-есть разслабѣвающею, а эпохѣ за тѣмъ послѣдовавшей придаетъ наименованіе „придавляющей“. Послѣдній эпитетъ въ точности можетъ быть приложенъ только къ послѣднему семилѣтію (1848 — 1855) этой эпохи. Предшествовавшее время имѣло и свѣтлыя стороны. Русскій культурный

* См. *Русск. Архивъ* 1879, кн. III, стр. 294.

небосклонъ очистился отъ покрывавшихъ его тумановъ, навѣянныхъ Александровскою эпохой. Русской мысли было указано національное направленіе. Время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ совершенно справедливо признается эпохой. Гимназіи и университеты постепенно зрѣли и совершенствовались. Явились русскіе профессора стоявшіе на высотѣ своего призванія. Студенческій составъ сталъ самымъ разнообразнымъ, но отнюдь не сословнымъ: крѣпостная пора не мѣшала сидѣть на университетскихъ скамьяхъ всякаго рода „разночинцамъ", а въ томъ числѣ и дѣтямъ бывшихъ крѣпостныхъ. Этотъ разнообразный составъ студентовъ отнюдь не способствовалъ одичанію юношей, распространенію между ними какой-то нелѣпой демократизаціи ремесленнаго пошиба; напротивъ: студенческая среда сглаживала всякія неровности и шероховатости и перевоспитывала юношей предоставленныхъ самимъ себѣ. Студентъ университета и юноша „вполнѣ воспитанный"— понятія ставшія тогда синонимами. Самый цвѣтъ этой эпохи относится къ сороковымъ годамъ: въ 1848 уже замѣчается „придавляющее" дѣйствіе; поэтому, естественно, вошло въ обычай называть ее „временемъ сороковыхъ годовъ", а ея дѣйствователей и питомцевъ—„людьми сороковыхъ годовъ", хотя такое названіе и не точно, хотя десятилѣтіями странно конечно оцѣнивать времена и поколѣнія. Первенствующимъ журналомъ эпохи были *Отечественныя Записки*; первымъ критикомъ и журналистомъ былъ Бѣлинскій. Бѣлинскій шелъ впередъ съ „университетскимъ знаменемъ", отправлялся отъ „уваженія" къ наукѣ, а не отъ вражды къ ней, не со „свистками" и ляганіемъ копытомъ, какъ это дѣлали мнимые его продолжатели. Самъ не кончивъ университетскаго курса, самъ поставленный въ положеніе постоянно возбуждавшее раздраженіе и желчь, Бѣлинскій тѣмъ не менѣе вліялъ на современное ему юношество успокаивающимъ, культурнымъ образомъ, возбуждая въ немъ лишь идеальные помыслы, а не животные инстинкты, романтическое уваженіе къ женщинѣ, а не циническій развратъ, высокое чувство гуманности, а не скотскій эгоизмъ. Литературныя партіи раздѣлялись на западниковъ и славянофиловъ, ведшихъ горячую борьбу. Журналы находились почти въ исключительномъ распоряженіи западниковъ. Это обстоятельство, а также тогдашнія цензурныя условія и наступившее затѣмъ мрачное семилѣтіе, помѣшали

выясненію споровъ и доведенію ихъ до конца. Споръ шелъ собственно о самостоятельности русской культуры, на чемъ настаивали славянофилы, но чего не хотѣли признать западники, стоявшіе за европейскую культуру вообще (не различая національностей), и за тотъ ея путь и форму какіе она приняла у насъ въ Россіи. Эту форму славянофилы отвергали, указывая въ типѣ нашей культуры хилость, зародыши гніенія.

Вопросъ для славянофиловъ состоялъ не въ возвращеніи къ до-Петровскимъ временамъ, что приписывалось имъ противною партіей, а въ самостоятельности русской гражданственности, основанной на *народныхъ началахъ* (то-есть православіи, самодержавіи и народности). Этихъ началъ, особенно двухъ первыхъ, западники не признавали, частію изъ оппозиціоннаго отношенія къ правительству, которое ихъ также провозгласило, но главнѣе всего по малому знакомству съ отечественною исторіей, въ которой славянофилы были гораздо ихъ сильнѣе. Но и славянофилы вовсе не благоговѣли предъ правительственною постановкой вопроса о *народныхъ началахъ*, признавая въ ней характеръ полицейскій, казенный, мертвящій. Обѣ партіи горячо стояли за уничтоженіе крѣпостнаго права, за облегченіе печати, за реформу судовъ, и съ этой стороны одинаково считались находящимися въ оппозиціономъ отношеніи къ правительству того времени, ставшему особенно подозрительнымъ въ мрачное время послѣдняго семилѣтія эпохи. Но это оппозиціонное отношеніе, если и было оно, то даже въ западникахъ отнюдь не доходило до радикализма (говоримъ вообще, а не о такихъ исключеніяхъ какое представляетъ напримѣръ Герценъ), до какой-нибудь антиправительственной агитаціи, впрочемъ и невозможной въ то время. Что касается самыхъ народныхъ началъ, то споры о нихъ (по цензурнымъ причинамъ) были тогда лишь въ зародышѣ, а такой вопросъ какъ *самодержавіе* даже и поставить тогда было опасно. Больше другихъ былъ выясненъ вопросъ о *православіи*, да и то въ позднѣйшую эпоху, печатаніемъ сочиненій Хомякова, писанныхъ по-французски, переводъ которыхъ долго не допускался къ выходу въ свѣтъ. Своевременно же противная партія, западники, если и знала взгляды славянофиловъ на православіе, то никакъ не изъ статей или изъ книгъ, а изъ живыхъ бесѣдъ, изъ словесныхъ преній. Какъ

извѣстно, даровитѣйшіе люди обѣихъ партій жили въ Москвѣ, были товарищами по образованію въ Московскомъ университетѣ, и разность взгляда нисколько не мѣшала ихъ общенію. Въ горячности споровъ въ первое время возникновенія и дѣятельности обѣихъ партій (именно до 1856 года) естественно было много крайностей и увлеченій высказанныхъ съ обѣихъ сторонъ. Но не надобно забывать тѣхъ условій подъ вліяніемъ которыхъ проходила ихъ тогдашняя дѣятельность и надобно помнить что нѣкоторые изъ нихъ были еще въ ту пору юношами и почти всѣ—теоретиками. Возможность живой дѣятельности явилась только въ позднѣйшую эпоху (съ 1856 года), и тогда многія славянофильскія идеи начали быстро распространяться въ нашемъ обществѣ, и даровитѣйшіе изъ западниковъ первые ихъ усвоили. Обѣ партіи поступились потомъ нѣкоторыми крайностями, оставшись при нѣкоторыхъ своихъ особенностяхъ; но и при самомъ началѣ своего возникновенія обѣ партіи состояли изъ людей одного и того же образовательнаго типа, изъ *классиковъ* и *идеалистовъ*, а не изъ воспитанниковъ зародившагося *утилитаризма*. Искать корней нигилизма въ западникахъ или въ славянофилахъ было бы по меньшей мѣрѣ смѣшно.

VIII.

Вопросъ о православіи или, тѣснѣе, о нашемъ духовенствѣ, клирѣ, имѣетъ важное значеніе по отношенію къ занимающему насъ предмету; ибо церковь, духовенство всегда и вездѣ являются въ числѣ главнѣйшихъ факторовъ гражданственности. Такъ было и у насъ, въ старой Московской Россіи, но не такъ стало въ послѣ-Петровское время, при несравненно большей образованности духовенства и при несравненно большемъ его вліяніи вообще на дѣло образованія въ Россіи. Эти положенія, впервые высказанныя славянофилами, сдѣлались теперь общимъ достояніемъ; но западники культурнаго значенія православнаго духовенства не признавали и видѣть его въ роли фактора гражданственности не желали. Такой взглядъ объясняется съ одной стороны недостаточнымъ знакомствомъ съ отечественною исторіей, а съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ что они стояли на точкѣ зрѣнія западныхъ либераловъ, боровшихся со своими церквами, съ духовенствомъ, съ

клерикалами; не мудрено что и въ приниженномъ состояніи русскаго духовенства мерещились призраки будущихъ русскихъ клерикаловъ и предстоящая борьба съ ними какъ съ гасильщиками просвѣщенія и всякаго прогресса. Видѣть въ такомъ взглядѣ западниковъ на духовенство что-нибудь похожее на нигилистическій атеизмъ будетъ величайшею несправедливостію; ибо такіе взгляды нисколько не мѣшаютъ теплотѣ религіознаго чувства. Конечно, атеизмъ—явленіе уже и совсѣмъ немыслимое въ славянофилѣ; но извѣстно что православная церковь и духовенство въ теперешнемъ ихъ состояніи встрѣчали и встрѣчаютъ самыя рѣзкія осужденія именно со стороны славянофиловъ; кто много любитъ, тотъ и ревнуетъ, тотъ и негодуетъ...

Люди изучившіе національную психологію, сравнивая между собою народы принадлежащіе къ православной Церкви, вотъ къ какимъ приходятъ результатамъ: „греческое и вообще восточное христіанское общество, говорятъ они, до самаго послѣдняго времени было *церковнѣе* русскаго въ своемъ воспитаніи.Церковь была смѣшаннѣе съ остальною націей; народъ и высшее общество стояли ближе къ Церкви"; * но за то у насъ, по ихъ мнѣнію, „души, теплоты, содержанія религіознаго" больше чѣмъ на Востокѣ. Если наше воспитаніе страдаетъ недостаткомъ церковности, говоритъ цитуемый нами авторъ, за то оно теплѣе, романтичнѣе; поэтому-то и русскій человѣкъ болѣе расположенъ къ монашеству чѣмъ Грекъ, не говоря уже о Юго-Славянахъ, у которыхъ религіозное чувство гораздо суше чѣмъ у Грековъ." Если это такъ, то надобно прибавить что теплота религіознаго чувства и романтичность воспитанія продолжались у насъ до тѣхъ только поръ, пока въ интеллигентныхъ слояхъ нашего общества господствовало идеальное направленіе, хотя бы въ *чужой* формѣ (напримѣръ, массонства или сентиментальности), и не возникалъ еще сухой реализмъ. „Недостатокъ церковности"... но вѣдь это то же самое что̀ безсиліе Церкви какъ фактора гражданственности, безсиліе духовенства въ его пастырской дѣятельности, въ его положеніи образованнаго и образующаго сословія. Что „церковность", т.-е. реальное воздѣйствіе Церкви на жизнь, имѣетъ большое культурное вліяніе, это

* „Русскіе, Греки и Юго-Славяне" статья К. Н. Леонтьева. *Русск. Вѣстникъ* 1878, кн. II, стр. 763.

доказываютъ громадныя массы Русскаго народа пребывающія въ расколѣ, но часто, именно благодаря церковности, болѣе развитыя, грамотныя, достаточныя чѣмъ остальной народъ, находящійся подъ воздѣйствіемъ клира государственной Церкви. Итакъ недостатокъ „церковности“ можно объяснить прежде всего неудовлетворительностію положенія государственной Церкви, сравнительно съ тѣмъ идеаломъ православія который представлялъ себѣ, напримѣръ, Хомяковъ и который до извѣстной степени осуществлялся въ Московской Россіи; вовторыхъ, причины такой недостаточности надобно искать въ самомъ клирѣ, духовенствѣ, хотя положеніе его зависитъ отъ существованія первой причины.

Повидимому странно было бы говорить о недостаточности культурнаго вліянія нашего духовенства, имѣвшаго такое большое образовательное и въ особенности педагогическое значеніе у насъ въ продолженіе болѣе столѣтія, отъ Петра Великаго до самыхъ тридцатыхъ годовъ. А между тѣмъ это фактъ. Въ прошломъ столѣтіи наши духовныя школы были положительно лучше свѣтскихъ; въ первой четверти этого столѣтія, безъ ихъ помощи, безъ прилива учащихъ и учащихся изъ духовенства, послѣднія неизбѣжно бы завяли. Разореніе семинарій реформой въ духѣ утилитарности и реализма имѣло огромныя послѣдствія. Чѣмъ съ виду образованнѣе казалось духовенство тѣмъ менѣе становилось замѣтно его вліяніе.

Расколъ не только не уменьшился, а страшно увеличился и появился тамъ гдѣ, какъ въ Малороссіи, его прежде вовсе не было; прежній „попъ“ былъ гораздо ближе къ мужику и барину чѣмъ сталъ „священникъ“, все же лучше „попа“ живущій и матеріальнѣе болѣе обезпеченный. Нашъ клиръ еще больше отдѣлился и отъ народа и отъ интеллигенціи и еще холоднѣе относился къ „царству не отъ міра сего“. Въ немъ являлся *свой* прискорбный *прогрессъ*,—небрежное отношеніе къ пастырскимъ обязанностямъ и къ богослужебной обрядности, установившейся вѣками и имѣющей высокое значеніе въ глазахъ вѣрующаго человѣка. Образованіе и матеріальное довольство, увы! только наталкивали нашъ клиръ на путь ведущій къ „царству отъ міра сего“, къ положенію еще болѣе формальному и казенному, чѣмъ какъ было прежде. Мы далеки отъ обличеній и говоримъ все это съ глубокимъ прискорбіемъ; мы далеки и отъ нелѣпой мысли утверждать

что для блага Церкви и государства необходимо поставить духовенство въ положеніе крайней нищеты и невѣжества. Мы не обличаемъ, а констатируемъ факты всѣмъ извѣстные и для нашей задачи весьма важные. Вопросъ о духовенствѣ уже давно сталъ моднымъ: о немъ много и охотно говорятъ *всѣ*, даже реалисты; но во всѣхъ этихъ разговорахъ рѣчь сводится къ одному,—къ улучшенію матеріальнаго положенія... Опять матерія, а не духъ!... Обыкновено не жалѣютъ темныхъ красокъ для изображенія „крайней бѣдности“ быта духовенства, особенно обучающагося въ школахъ; но размѣры „крайней бѣдности“, если ее признавать, до 60хъ годовъ были неизмѣримо бо́льшіе въ жизни нашего духовенства чѣмъ потомъ; реализмъ не зараждался въ духовномъ юношествѣ и не гнѣздился въ духовныхъ школахъ, гдѣ притомъ бѣдность является „крайнею“ только со стороны, по взгляду достаточныхъ классовъ общества, а не по взгляду самого духовнаго юношества, воспитаннаго въ нуждѣ, въ условіяхъ быта немногимъ отличающихся отъ крестьянскаго. Не „крайняя бѣдность“, а кастовая замкнутость, убивающая духъ призванія и идеальные помыслы и вынуждающая относиться къ своей профессіи совершено хладнокровно, чтобы не сказать ремесленно, вотъ что̀ разъѣдало наше духовенство. Послушаемъ еще автора, котораго никто не заподозритъ въ желаніи обличать духовенство и который уже заявилъ о своемъ горячемъ сочувствіи къ православію и о восторженномъ своемъ отношеніи къ монашеству. „У насъ церковь если не потрясена, то уже подкопана со многихъ сторонъ“, говоритъ К. Н. Леонтьевъ въ своей превосходной статьѣ *Отецъ Климентъ*, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1879 года. „Я къ іезуитамъ не пойду“, выражается онъ въ разговорѣ со своимъ собесѣдникомъ, принимая сторону папства противъ нападокъ на него западныхъ либераловъ, „хотя даже іезуитъ мнѣ нравится больше равнодушнаго попа, которому хоть трава не рости и который не перекрестится пока громъ не грянетъ.“ „Умная, дѣятельная пропаганда въ высшихъ слояхъ русскаго общества, продолжаетъ тотъ же авторъ, нужнѣе была бы чѣмъ проповѣдь Алеутамъ и борьба со староверами, представляющими для Россіи очень полезный тормазъ....“ Ту же мысль нѣсколько далѣе авторъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: онъ признаетъ косвенную пользу раскола, „какъ тормаза, безъ

котораго мы ушли бы еще дальше" по пути церковнаго прогресса, въ дѣлѣ новшествъ и всякихъ поблажекъ духу времени. А вотъ и перифразъ г. Леонтьева о пропагандѣ: „православная проповѣдь въ высшемъ обществѣ и ученомъ русскомъ кругѣ была бы полезнѣйшимъ изъ миссіонерствъ." * Мы указываемъ на замѣчательныя статьи г. Леонтьева, хотя имъ ничего новаго не было сказано послѣ того что̀ говорилось славянофилами; но какъ полезно повторять эти стародавнія истины въ теперешнюю мрачную пору, когда мы тревожно отыскиваемъ причины нашихъ общественныхъ болѣзней и не находимъ средствъ для избавленія отъ нихъ!

Итакъ, наше духовенство и интеллигенція находились и находятся другъ ко другу въ положеніи центробѣжномъ: они расходятся, а не сближаются,—и все больше и больше... Если интеллигенція, по какимъ бы то ни было причинамъ, грубѣетъ; если она быстро бѣжитъ по пути реалистическаго прогресса, какъ у насъ, теряя на этомъ пути идеальные помыслы и убивая „духъ"; если она не воспитывается Церковью и духовенствомъ, или воспитывается очень мало, едва замѣтно, то какихъ же еще ждать лучшихъ результатовъ чѣмъ тѣ къ которымъ мы пришли!..

IX.

Неисчислимыя бѣды для русской культуры принесло мрачное семилѣтіе наступившее въ Россіи послѣ февральской французской революціи. Люди университетскаго образованія, какъ западники такъ и славянофилы, подвергнулись правительственному подозрѣнію въ радикализмѣ, въ опасномъ новаторствѣ. Подавлялся „духъ", идеализмъ, и провозглашались цѣлями образованія — практичность, полезность, *реализмъ*. Результаты не замедлили явиться, — придавленность духа, духовное обнищаніе во всѣхъ сферахъ общественной и государственной дѣятельности. Умственное движеніе замерло; замерла и литература, какъвыразительница и распространительница этого движенія.

Послушаемъ что̀ говоритъ объ этомъ времени К. С. Аксаковъ въ *Запискѣ* представленной имъ императору Александру Николаевичу въ 1855 году. **

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1879, декабрь, стр. 536—537 и 541—542.

** *Записка* напечатана недавно въ газетѣ *Русь* (см. №№ 26—28 этой газеты за 1881 годъ).

„Современное состоянiе Россiи представляетъ внутреннiй разладъ прикрываемый безсовѣстною ложью... Всякiй частный человѣкъ опасается говорить свое мнѣнiе... Правительство постоянно опасается революцiи и въ каждомъ самостоятельномъ выраженiи мнѣнiя готово видѣть бунтъ... Правительство и народъ не понимаютъ другъ друга, и отношенiя ихъ не дружественныя. И на этомъ-то внутреннемъ разладѣ, какъ дурная трава, выросла непомѣрная, безсовѣстная лесть, увѣряющая во всеобщемъ благоденствiи, обращающая почтенiе къ царю въ идолопоклонничество... При потерѣ взаимной искренности и довѣренности все обняла ложь, вездѣ обманъ. Правительство не можетъ при всей своей неограниченности добиться правды и честности... Всеобщее развращенiе или ослабленiе нравственныхъ началъ въ обществѣ дошло до огромныхъ размѣровъ. Взяточничество и чиновный грабежъ — страшны... Все зло происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ угнетательной системы нашего правительства, угнетательной относительно свободы жизни, свободы мнѣнiя, свободы нравственной... Гнетъ всякаго мнѣнiя, всякаго проявленiя мысли дошелъ до того что иные представители власти государственной запрещаютъ изъявлять мнѣнiе даже благопрiятное правительству, ибо запрещаютъ всякое мнѣнiе. Они не позволяютъ даже хвалить распоряженiя начальства, утверждая что до одобренiя подчиненныхъ начальству дѣла нѣтъ, что подчиненные не должны смѣть разсуждать и даже находить хорошимъ то или другое въ своемъ правительствѣ или начальствѣ. Къ чему же ведетъ такая система? Къ полному безучастiю, къ полному уничтоженiю всякаго человѣческаго чувства въ человѣкѣ; отъ человѣка даже не требуется того чтобъ онъ имѣлъ хорошiя мысли, а чтобъ онъ не имѣлъ никакихъ мыслей. Эта система еслибы могла успѣть, то обратила бы человѣка въ животное, которое повинуется не разсуждая и не по убѣжденiю... Но доведенiе людей до животнаго состоянiя не можетъ быть сознательною цѣлью правительства. Да и дойти до состоянiя животныхъ люди не могутъ; но въ нихъ можетъ быть унижено человѣческое достоинство, можетъ отупѣть умъ, огрубѣть чувство,—и слѣдовательно человѣкъ приблизиться къ скоту... Такая система порождаетъ внутреннее неудовольствiе и уныние...“

Полезность и практичность, реализмъ, были провозглашены паролемъ и лозунгомъ русскаго образованiя. Но образованiе

было не одинаковое, общее для всѣхъ (т.-е. для всѣхъ на *общихъ* началахъ), а тройственное, *по вѣдомствамъ:* образованіе университетское или гражданское, образованіе духовное и образованіе военное,—и притомъ всѣ виды этихъ *образованій* находились другъ съ другомъ въ большомъ антагонизмѣ. Если гражданское и духовное *образованія* были довольно близки другъ ко другу по существу своему, за то второе было ближе къ военному по своимъ цѣлямъ, по утилитарности; но эта близость не мѣшала враждѣ и даже ненависти; въ такомъ отношеніи находились къ военному образованію два первые типа нашего просвѣщенія, которымъ и военный типъ отплачивалъ тѣмъ же. Можно судить какіе культурные плоды получались отъ такого разношерстнаго образованія! И дѣйствительно, русскіе образованные люди того времени встрѣчаясь не понимали другъ друга; но они даже не встрѣчались, а преднамѣренно избѣгали общеній и жили въ *своихъ* „кружкахъ". Кружокъ людей университетскаго образованія, людей 40хъ годовъ (возвращаемся къ этому термину) былъ самый малочисленный. Подъ ударами *придавляющей* эпохи онъ сильно порѣдѣлъ, и люди составляющіе его замкнулись въ самихъ себѣ.

X.

Но вотъ небосклонъ очищается отъ тучъ; Русская земля озаряется новымъ свѣтомъ. Теплые лучи новаго царствованія льются на ея почву. Сильно возбуждается жизнь. Быстро выбѣгаютъ и еще быстрѣе разцвѣтаютъ всякіе злаки, добрые и зловредные... Ищите между послѣдними и нигилизма, какъ осадковъ и отложеній органической порчи прежней жизни, но ищите ихъ не въ одномъ сословіи, но во всѣхъ слояхъ нашего образованнаго общества. Несостоятельность нашей образованности, односторонность нашей культуры, раньше или позже, должны были обнаружиться; но при благопріятныхъ обстоятельствахъ и въ спокойную пору всѣ недостатки и вся порча могли переработаться органически, безъ потрясеній, тѣмъ болѣе что путь и средства къ этому у насъ были подъ руками, въ университетскомъ образованіи, какимъ оно было до 1848 года. Но этого оздоровленія не случилось, благодаря именно „придавляющей" порѣ, которая своими ударами заставила

загнить то что̀ при иныхъ обстоятельствахъ могло бы еще оздоровѣть. Теплый лучъ и свободный духъ новаго царствованія не могли уже оживить того что̀ подверглось гніенію, а должны были естественно ускорить это послѣднее и раздвинуть его предѣлы. Такъ и случилось. Новыя реформы должны были въ высочайшей степени возбудить, то-есть привести въ движеніе духъ всего Русскаго народа, но въ разной степени и въ неодинаковыхъ направленіяхъ. Крестьянство и вообще необразованные классы приняли эти реформы спокойно и радостно, но иначе отразились онѣ въ большинствѣ интеллигенціи: тамъ возбудили онѣ дурныя страсти и противообщественные и противогосударственные инстинкты. Либеральность реформъ не могла удовлетворить псевдолибераловъ и естественно должна была породить радикализмъ; а русскій радикалъ, самъ того не подозрѣвая, въ душѣ остается озлобленнымъ крѣпостникомъ, который, будучи затронутъ, въ отместку, не остановится ни предъ какими ломками и предается либерализму уже безо всякаго удержа. Реформы были весьма либеральны и открывали для Россіи новую эру; но интеллигенцію, воспитанную на даровомъ трудѣ, въ ея тогдашнемъ положеніи и въ ближайшемъ будущемъ, онѣ осуждали на упорный личный трудъ; непривычка и неохота къ нему возбуждаютъ раздраженіе, злобу. У насъ и теперь еще продолжаютъ указывать на правительственныхъ оппонентовъ, на разныхъ консерваторовъ, не сочувствовавшихъ и противодѣйствовавшихъ реформамъ; но проходятъ молчаніемъ оппозицію болѣе глубокую, сильную, стихійную, хотя и безформенную, хотя дѣйствительно самой либеральной окраски,— тотъ сумбуръ, то столпотвореніе вавилонское, которое подъ вліяніемъ реформъ возникло въ умахъ и помыслахъ большинства русской интеллигенціи и которое сильнѣйшимъ образомъ противодѣйствовало плодотворности реформъ. Къ слабымъ сторонамъ людей сороковыхъ годовъ относится недостатокъ въ нихъ политическаго воспитанія, объясняемый положительнымъ отсутствіемъ тогда политической печати; въ нѣсколько лучшемъ положеніи находились они по части политико-экономическихъ свѣдѣній. Можно судить какъ велики были указанные недостатки въ самый разгаръ реформъ и какой просторъ они давали самымъ дикимъ моральнымъ, экономическимъ и политическимъ фантазіямъ! Не мудрено что въ эту пору Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ

очутились „во пророцѣхъ“. Либеральныя вожделѣнія составляли и составляютъ главную силу и заразительность нигилизма. Итакъ, съ новыми реформами неизбѣжно долженъ былъ начаться и процессъ культурнаго гніенія (нигилизмъ), котораго невозможно было остановить по многимъ причинамъ: вопервыхъ, потому что было некогда, по настоятельности и неотложности такихъ реформъ, какъ крестьянская и судебная; вовторыхъ, потому что предпринятое въ учебномъ дѣлѣ влекло школу на путь разложенія: духовныя семинаріи были уже разорены реформой сороковыхъ годовъ; втретьихъ, потому что и средствъ не было, такъ какъ моральное зло отъ внѣшняго давленія только входитъ внутрь организма, а не исцѣляется. Свободолюбивый духъ новаго царствованія прежде всего поспѣшилъ снять оковы съ русской мысли, которой даровалъ еще незнакомый ей просторъ. Литература ожила, кругъ ея дѣятельности неизмѣримо расширился; но школа захирѣла; „духъ“, который только въ ней и ею возрастаетъ и питается, чахнулъ...

Новое царствованіе приступило къ дѣлу реформъ и начало ихъ съ людьми оставшимися отъ прежней поры. Двѣ главнѣйшія реформы прошлаго царствованія, крестьянская и судебная, были начаты и окончены непосредственно этими прежней эпохи людьми, которые стали сходить со сцены въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и, мало-по-малу, уступали мѣста свои „новымъ людямъ“, на новый ладъ реализованнымъ. Но не путь реформъ и не людей приводившихъ ихъ въ исполненіе имѣемъ мы въ виду въ нашемъ очеркѣ; мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ здоровыя начала въ жизни нашей и въ культурѣ, которыя остаются дѣйственными до сихъ поръ и коихъ никакой нигилизмъ одолѣть не можетъ. Обращаемся къ *реализму*, который часть журналистики провозгласившая себя передовою поспѣшила принять своимъ лозунгомъ, *новымъ словомъ*, символомъ прогресса и либерализма. Этотъ реализмъ вышелъ изъ нѣдръ того чистокровнаго, *краснаго нигилизма*, образцики котораго мы представили выше. Этотъ журнальный реализмъ до такой степени спутался съ нигилизмомъ и такъ запутался въ его цѣпкихъ колючкахъ что, при несомнѣнномъ желаніи, никакъ не можетъ себя очистить и обѣлить, а при такой невозможности заслуженно долженъ пользоваться названіемъ *нигилизма бѣлаго*, питавшаго и питающаго *красный*.

А, впрочемъ, пожалуй, мы не ошибаемся: весьма возможно что бѣлый реализмъ, усилившись и сгустившись, образовалъ тотъ красный реализмъ, который выразился въ твореніяхъ Добролюбова и Писарева и въ дѣятельности нашихъ позднѣйшихъ „соціалистовъ-революціонеровъ". Во всякомъ случаѣ кровное родство между ними, между нигилистами и реалистами, не подлежитъ сомнѣнію, какъ это сейчасъ докажемъ.

XI.

Итакъ, *нигилизмъ есть не что иное какъ сгущенный реализмъ, а реализмъ—какъ разжиженный нигилизмъ.* При нѣкоторомъ внимательномъ наблюденіи это опредѣленіе окажется совершенно вѣрнымъ; ибо реализмъ почти то же проповѣдывалъ и проповѣдуетъ что и нигилизмъ, но только въ иной формѣ и не столь грубымъ, бурлацкимъ способомъ. Вообще симпатіи и антипатіи у нихъ почти однѣ и тѣ же. Нигилизмъ, напримѣръ, проповѣдуетъ голый атеизмъ; реализмъ атеизма не проповѣдуетъ, но о религіи говоритъ не мало и весьма прозрачно. Онъ только терпитъ христіанство, но пользы въ немъ, какъ въ учрежденіи метафизическомъ, какъ въ мистицизмѣ вообще, онъ не видитъ. О своей церкви онъ молчитъ, потому что говорить въ его смыслѣ нельзя; но онъ принимаетъ горячее участіе въ борьбѣ западныхъ либераловъ съ ихъ мѣстными церквами и отъ души ненавидитъ клерикаловъ. Онъ заботливо изучаетъ протестантскія паствы и спѣшитъ подѣлиться со своими русскими читателями результатами этого изученія, какъ напримѣръ съ распространеніемъ невѣрія въ средѣ самихъ пасторовъ, не считая нужнымъ комментировать подобныя сообщенія. Реализмъ сочувствуетъ улучшенію быта православнаго духовенства; но идеалъ священника ему представляется въ образѣ попа Мерцалова, выведеннаго Чернышевскимъ въ его пресловутомъ романѣ. Защищая духовенство, реализмъ ненавидитъ монашество и желалъ бы закрытія всѣхъ монастырей, какъ отжившихъ учрежденій, распложающихъ де только тунеядцевъ. Даже тамъ, гдѣ рѣзко бросается въ глаза неустанный мускульный трудъ и, какъ результатъ его, накопленіе богатствъ (какъ, напримѣръ, въ монастырѣ Соловецкомъ), реализмъ поражается не идеальною стороной явленія, а преполняется

скорбію что эти блага остаются непроизводительными, что этой трудовой жизни не достаетъ... зефировъ и амуровъ!.. Реализмъ не проповѣдывалъ безнравственности; но зло подсмѣивался надъ наивностію тѣхъ кто позволяли себѣ говорить о такихъ старыхъ и пустыхъ вещахъ, какъ „поврежденіе нравовъ въ Россіи". Не вооружаясь противъ религіи и нравственности, реализмъ однакоже съ пламеннымъ усердіемъ предавался и предается пропагандѣ положительной или матеріалистической философіи и *послѣднихъ* выводовъ естествознанія, не понимая (или не желая понять) что такая пропаганда, сопровождаемая притомъ обычными подтасовками, на умы незрѣлые и неподготовленные, на общество весьма мало образованное, производитъ самое деморализующее вліяніе, уничтожая въ нихъ всякую идею о Богѣ и о душѣ человѣческой. При всемъ томъ реализмъ въ одномъ случаѣ является даже поборникомъ нравственности— это тогда именно когда онъ начинаетъ жевать крѣпостную жвачку; эту жвачку онъ никакъ не можетъ выбросить изъ своего рта до сихъ поръ, какъ не могъ выбросить ее покойный Некрасовъ. По мнѣнію самаго *бѣлаго* реалиста, женщина во время крѣпостнаго права была рабыней, несчастною, невѣжественною гаремною затворницей, самкой и т. п.; мужъ помѣщикъ—деспотъ, гаремный развратникъ, негодяй и т. п.; вообще съ реальной точки зрѣнія нашъ прежній семейный бытъ—полнѣйшее отрицаніе нравственности. И все это выставлялось и выставляется въ стихахъ, въ повѣстяхъ, въ этнографическихъ очеркахъ, съ паѳосомъ самой нравственной скорби. Попробуйте сдѣлать возраженіе въ такомъ родѣ: „А позднѣйшее, пореформенное разложеніе и гниль семейнаго быта; а коммуны, а публичность и наглость разврата; а торжество блудницы надъ честною дѣвушкой, развратницы надъ матерью семейства; а гибель отроковъ и юношей никѣмъ не воспитываемыхъ, а всѣми развращаемыхъ?" Этихъ явленій реализмъ не признаетъ и отъ нихъ открещивается, считая самое указаніе на нихъ то враждой къ молодому поколѣнію и къ современному прогрессу, то крѣпостническою отсталостью. Ухватившись за молодое поколѣніе и прикрывшись либерализмомъ, реализмъ долго считалъ себя и считался неуязвимымъ на этомъ пунктѣ. Съ одной стороны служили ему щитомъ „увлеченія молодежи" и „рѣдкія исключенія"; съ другой—стародумство и крѣпостничество обличителей.

Увы! теперь, послѣ всѣхъ ужасовъ, послѣ стольких судебныхъ процессовъ, ярко рисующихъ не „повреждение“, а растлѣніе общественныхъ нравовъ,—теперь щиты эти подгнили. Мнящій себя сильнымъ въ позитивной философіи и въ послѣднихъ выводахъ естествознанія, нашъ реализмъ оказался очень слабъ въ знаніи и въ пониманіи явленій своей же русской прошлой жизни: онъ просмотрѣлъ и не уразумѣлъ значенія русской женщины XVIII и XIX вѣка, даже въ той обстановкѣ въ которой онъ ее рисуетъ, въ крѣпостную пору, въ ея затворѣ съ дѣтьми: этотъ затворъ даже мужъ-развратникъ считалъ святыней и не касался его уже по одной фамильной гордости. Реализмъ не понимаетъ что стыдливость и непорочность для дѣвушекъ, что семья и дѣти для замужнихъ женщинъ — своего рода затворъ и ограда, единственно спасающіе всякое общество отъ погибели и не допускающіе женщину до „равенства“ съ мущиной; что „женскій трудъ“ и „женское образованіе“ *въ смыслѣ этого равенства* достойны не восхваленій, а проклятій, ибо не идутъ далѣе униженія женскаго достоинства; что „гулящія женщины“ вездѣ есть, были и будутъ, но восторгаться ими, выставлять ихъ идеалами, значитъ умышленно распространять самый чудовищный развратъ.

Реализмъ старается вести свою генеалогію отъ западниковъ; чтобъ оторваться отъ нигилизма ему необходима какая-нибудь историческая почва, нужно отыскать законныхъ родителей. Но западники были крайними идеалистами и общаго съ нимъ имѣютъ слишкомъ мало. Онъ въ правѣ приносить требы богамъ нигилистическаго Олимпа, но уже никакъ, напримѣръ, не Грановскому, ни даже Бѣлинскому. Съ легкой руки Жоржъ Санда западники, правда, первые подняли у насъ „женскій вопросъ“; но толковалъ о немъ одинъ Бѣлинскій, да и то кажется отъ бездѣлья (отъ невозможности говорить о другихъ вопросахъ), между прочимъ, самъ очевидно путаясь въ размышленіяхъ о немъ. Смѣлѣе Бѣлинскаго отнесся къ „женскому вопросу“ Герценъ въ своемъ романѣ *Кто виноватъ?* Но весь романъ, какъ и финалъ его, построены на нравственномъ основаніи: Круциферская, замужняя женщина, вторично полюбившая Бельтова, героя романа, не только не падаетъ и не превозносится *паденіемъ*, но погибаетъ жертвой страданій, признавая эту вторую любовь преступленіемъ по отношенію къ недавно еще любимому мужу. Бельтовъ и

авторъ романа не только не издѣваются, но съ уваженіемъ относятся къ этимъ страданіямъ. Авторъ старается только доказать что *никто* не виноватъ при сложившихся обстоятельствахъ; но ни намека нѣтъ у него о „свободной любви“? Достаточно сличить романъ *Кто Виноватъ?* съ другимъ одинаково нехудожественнымъ романомъ тоже съ вопросительнымъ заглавіемъ *Что Дѣлать?* чтобъ убѣдиться что реалисты не могутъ быть названы законными сынами западниковъ, даже съ Герценомъ, какъ литераторомъ, включительно. Связь ихъ съ Герценомъ, Бакунинымъ инаго порядка. Ограничиваясь въ нашемъ очеркѣ литературною генеалогіей нигилизма, мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о нигилизмѣ какъ орудіи политической интриги, требующій особаго разсмотрѣнія.

Въ дѣлѣ науки реализмъ, повидимому, не солидаренъ съ нигилизмомъ; съ наукой реализмъ усердно расшаркивается. Но въ практическомъ результатѣ это расшаркиванье приводитъ къ тому же концу какъ и циническое плеваніе на науку нигилизма. Съ наукой надлежитъ расшаркиваться, но школу требуется разорить. И нигдѣ реализмъ не обнаружилъ такого кровнаго родства съ нигилизмомъ какъ въ педагогическомъ дѣлѣ: здѣсь онъ является вполнѣ воинствующимъ, *краснымъ*, такъ что выраженіе Писарева „тараканъ пойманъ“ можно счесть похвальбой, присвоеніемъ себѣ чужой заслуги. Въ самомъ дѣлѣ, повсюднее распространеніе педагогической простаковщины, основанной на жертвоприношеніяхъ мамонѣ, требованіе сладости не плодовъ, а корней ученія, каковое должно состоять въ такой же игривой легкости какъ порханіе бабочекъ, ожесточенная, ярая вражда къ классическому и вообще идеальному образованію,—непрекращаемое возбужденіе молодежи, извращеніе ея понятій, лесть предъ нею,—завоеванія въ подобномъ направленіи неоспоримо сдѣланы бѣлымъ, а не краснымъ реализмомъ. Самохвальство Писарева очевидно!...

Кажется съ достаточною ясностію опредѣлили мы генеалогію нашего нигилизма или реализма краснаго, доказавъ что бѣлый реализмъ, въ формѣ утилитарности, у насъ существовалъ давно. Но знаемъ что нашею генеалогіей не всѣ будутъ довольны; ибо существуетъ мнѣніе (высказываемое не одними реалистами) что нигилисты прямые потомки западниковъ, что *нашъ* реализмъ западнаго происхожденія, и корень этой болѣзни надобно искать въ нашемъ рабскомъ подражаніи западной Европѣ.... Но это мнѣніе крайне одностороннее: въ

немъ слышится, вопервыхъ, голосъ запоздалой антипатіи къ западникамъ, давно сошедшимъ со сцены и частію почти вымершимъ; вовторыхъ, вѣдь западники были люди зрѣлые, солидно образованные и прежде всего заботились (хотя можетъ и ошибочно) о нашей культурной зрѣлости, нигилизмъ же — гниль, культурное разложеніе. Что касается внѣшняго сходства бѣлаго реализма съ нашимъ западничествомъ, то такое же сходство можно отыскать въ отношеніяхъ чистыхъ нигилистовъ и нѣкоторыхъ славянофиловъ къ западной Европѣ. Такія внѣшнія сходства ровно ничего не доказываютъ! Точно также будетъ несправедливо и одностороннее мнѣніе выводящее нигилизмъ изъ одного какого-нибудь сословія, или изъ сословныхъ учебныхъ заведеній, напримѣръ изъ семинарій. Несмотря на свидѣтельство Писарева, въ этомъ отношеніи авторитета весьма крупнаго, что „въ нашихъ духовныхъ училищахъ сформировались самые крупные и яркіе представители отрицательнаго направленія, которое и до сихъ поръ (1865) воспринимается съ особенною жадностію (sic) воспитанниками этихъ же самыхъ училищъ“ *, мнѣніе это все же одностороннее; ибо Писаревъ говоритъ только о самыхъ крупныхъ и яркихъ представителяхъ нигилизма и о предрасположеніи къ нему, а не объ источникахъ онаго. Сословнымъ предрасположеніямъ мы не придаемъ никакой важности, такъ какъ реализмъ распространился по всѣмъ образованнымъ сословіямъ и проникнулъ повсюду. Петербургъ сталъ его столицей, главнымъ центромъ: здѣсь къ первой половинѣ 60хъ годовъ почти вся періодическая печать была уже реализована.

XII.

Реализмъ!... Странная судьба у насъ этого слова! Повидимому что̀ могло быть естественнѣе какъ, по упраздненіи крѣпостнаго права, заговорить о реальномъ отношеніи къ окружающей насъ жизни, въ смыслѣ трезвости и въ противоположность мечтательности! Что̀ могло быть благоразумнѣе и, казалось бы, освѣжительнѣе, по уничтоженіи обязательнаго труда, послѣ легкой, чуть не даровой жизни, какъ не

* Ц. Ш, стр. 55.

энергическія рѣчи въ пользу упорнаго личнаго труда необходимаго для всѣхъ и каждаго, для мужчинъ и женщинъ!.. Старая жизнь осуждена на смерть; задачи новой обозначены ярко; дышалось новымъ, свободнымъ воздухомъ... Естественно было отрицаніе умирающей жизни, даже издѣвательство надъ нею и способствованіе къ ея вымиранію; но эти инстинкты, казалось бы, не должны были мѣшать творчеству новой, положительной жизни, иныхъ свѣжихъ идеаловъ, не должны были бы убивать „духа", клонить его долу!.. И вотъ начались рѣчи, начались и дѣла... Что же мы увидали и что же вышло въ *словѣ* и въ *дѣлѣ*, въ *литературѣ* и *жизни?* О литературѣ мы говорили; теперь взглянемъ на жизнь.

Еще съ конца 50хъ годовъ, когда крестьянскій вопросъ въ принципѣ былъ уже рѣшенъ, начинается переселеніе въ города дворянства, сначала мелкаго, потомъ средняго.

Эта эмиграція изъ селъ съ каждымъ годомъ увеличивается и до сихъ поръ еще не прекращается. Ближайшимъ послѣдствіемъ крестьянской реформы (а отчасти и этой эмиграціи) было обѣднѣніе средняго, преимущественно же мелкопомѣстнаго дворянства, въ большинствѣ разорившагося. Далѣе, еще до закрытія старыхъ судовъ, при перемѣнахъ по всѣмъ вѣдомствамъ, когда имѣлось въ виду улучшеніе положенія служащихъ назначеніемъ высшихъ окладовъ, одновременно послѣдовало упраздненіе множества мѣстъ, изъ которыхъ нѣкоторыя (напримѣръ канцелярскія) хотя и были оставлены, но безъ прежнихъ правъ и привилегій государственной службы. Словомъ, эта послѣдняя перестала давать даже недоучившимся юношамъ то обезпеченіе какое она давала прежде: прежде, какъ извѣстно, правительство почти требовало чтобы всѣ молодые потомственные и личные дворяне служили; другими словами, прежде само государство предлагало хлѣбъ; теперь, при упраздненіи этого требованія, естественно надобно было уже самимъ заботиться о себѣ. Итакъ наши города, подъ вліяніемъ новыхъ реформъ, значительно увеличились населеніемъ, именно приливомъ интеллигентнаго класса, который, въ соединеніи съ такимъ же классомъ городскимъ, сталъ въ положеніе еще менѣе производительное чѣмъ то въ которомъ находилось прежде въ деревняхъ мелкопомѣстное дворянство. Положеніе его ухудшалось съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ усиливавшейся дороговизны и возрастанія молодаго поколѣнія, которое и воспитать и устроить стало во сто разъ

труднѣе. Для этого класса людей вопросы: „Чтò дѣлать?“ и „какъ быть?“ были совсѣмъ не праздными. Для этого класса такія разсужденія, напримѣръ: „Нѣтъ, нельзя жить какъ прежде! Пора перестать быть баричами; надобно трудиться всѣмъ,—мущинамъ и женщинамъ; надобно всѣмъ учиться, но учиться тому чтò полезно, чтò даетъ хлѣбъ, а не отучаетъ отъ дѣла и т. п.,“—имѣютъ свой глубокій и реальный смыслъ. Эти разсужденія идутъ въ оборотъ, входятъ въ жизнь, у всѣхъ на умѣ... Повелись умныя рѣчи о *трудѣ* и о *дѣлѣ*; раздались ядовитыя насмѣшки надъ барскимъ бездѣльемъ и надъ крѣпостнымъ паразитствомъ; послышались жалобы на то что „радъ бы учиться да негдѣ“. Правительство поспѣшило пойти на встрѣчу общества со своею помощью—открытіемъ множества всякаго рода учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, классическихъ и реальныхъ. Какіе же получались результаты? Увы! получались слова и фразы, а не трезвое отношеніе къ дѣйствительнымъ нуждамъ и запросамъ жизни. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ неоспоримо должны были получиться благіе результаты, но никакъ не въ общемъ. Въ общемъ строѣ жизни разговоры о *трудѣ* и о *дѣлѣ* обратились въ модную болтовню. Отеческая лѣнь и бездѣлье не только не уничтожились, но увеличились въ громадныхъ размѣрахъ. Особенно посчастливилось бездѣлью, которое, принявъ новыя формы, проникло всюду, даже въ школу. Съ нимъ соединился самый грубый матеріализмъ, а отъ такого супружества явилась роскошь, жизнь не по средствамъ въ такихъ размѣрахъ какіе были немыслимы при крѣпостномъ правѣ въ средѣ мелкопомѣстнаго дворянства и средняго чиновничества. Итакъ, новая пореформенная жизнь дала результаты отрицательные; достаточно указать на такіе: a) Основы семейной жизни крѣпко расшатались; b) въ конецъ расшаталось домоводство,—статья столь важная въ жизни людей трудящихся классовъ и вездѣ составляющая прямую обязанность женщины; c) женское рукодѣлье, которому офиціально обучаютъ въ казенныхъ школахъ, окончательно погибло въ домашнемъ быту, чтò потребовало громадныхъ расходовъ; d) реализмъ учащагося молодаго поколѣнія, вмѣсто кропотливаго упорнаго труда и такого же приложенія его на мѣстѣ, подъ рукой, обратился въ эмиграцію загоняющую молодое поколѣніе обоихъ половъ въ столицы, преимущественно въ Петербургъ, въ ряды нищенствующей

молодежи требующей *хлѣба и зрѣлищъ*; е) барство видимое, внѣшнее, уничтожилось, установился несомнѣнно болѣе грубый бытъ и еще грубѣйшіе инстинкты, но барство внутреннее совсѣмъ не уничтожилось: не уменьшилось, а удесятерилось желаніе жить лучше, роскошнѣе, не по средствамъ, жить безъ труда или на чужой (напримѣръ на казенный или общественный) счетъ; удесятерилась лѣность, только не въ прежней грубой формѣ, а прикрываемая фразами о трудѣ и о реальномъ направленіи „нашего времени“. О направленіи этомъ толкуется много, но сдѣлано ли хотя что-нибудь для *серіознаго* удовлетворенія капитальной потребности въ техническихъ и ремесленныхъ знаніяхъ? Нѣтъ, подъ техническое образованіе подкапываются точно также какъ подъ научное. Требуется чтобы не было ни того, ни другаго. Это называется реальная общеобразовательная школа. Падаютъ всѣ производства (а нѣкоторыя и совсѣмъ пали) не только заводскія и техническія, но даже ремесленныя: „Хоть выписывай Нѣмцевъ или Евреевъ“, плачутъ техники и мастера. При указаніи на этотъ фактъ, конечно, заводятъ рѣчи о безграмотности и о нетрезвости низшаго городскаго населенія; но что же показываютъ эти оговорки какъ не отвращеніе нашихъ недостаточныхъ, но образованныхъ классовъ къ техническому и ремесленному производствамъ? Иностранецъ, Французъ, Нѣмецъ, даже Полякъ, получивъ общее образованіе, *можетъ* сидѣть въ лавкѣ, быть техникомъ, ремесленникомъ, и мы находимъ что это очень хорошо. Но русскій человѣкъ, окончивъ курсъ въ реальномъ училищѣ, и русская дѣвица, побывавъ въ женской гимназіи, *не могутъ*: имъ подавай свободныя профессіи, разные курсы, университеты! Какъ на исключеніе можно указать на громадное число модныхъ женскихъ заведеній, модистокъ и бѣлошвеекъ. Увеличеніе числа этихъ заведеній, дѣйствительно, вызвано жизнію—уничтоженіемъ домашняго рукодѣлья и потребностію въ первой аренѣ для „свободнаго женскаго труда“; но не ищите въ такихъ заведеніяхъ и между такими лицами ни знанія дѣла, ни охоты (а часто и способности) изучить его. Если подвести итогъ всему сказанному здѣсь объ образованномъ классѣ живущимъ въ нашихъ городахъ, то получимъ такую картину. Большинство лицъ этого класса составляетъ положительный пролетаріатъ кое-какъ перебивающійся. Весь классъ постепенно бѣднѣетъ, разоряется и, за ничтожными исключеніями,

ровно ничего не дѣлаетъ; толкуя о „трудѣ“, самъ онъ утруждаетъ себя только чтеніемъ журналовъ и газетъ. Даровое и вездѣ сподручное образованіе облегчило родителей отъ многихъ заботъ и тратъ, но оно же ихъ и деморализовало: воспитаніе дѣтей брошено и возложено на открытую школу (не имѣющую къ тому средствъ) и на улицу, сами безпечные или лѣнивые родители предаются реальнымъ мечтамъ о будущемъ. Дѣти, молодое поколѣніе, предназначаются къ осуществленію этихъ мечтаній, этого золотаго вѣка всякаго рода матеріальныхъ благъ. Путь ведущій къ пріобрѣтенію этихъ благъ долженъ быть самый легкій. Все трудное, мозольное, сѣрое—не для *насъ*, а для другихъ, которые пусть и возятся себѣ въ пыли и грязи всякихъ техническихъ и ремесленныхъ производствъ.

XIII.

Наша реализованная жизнь въ эпоху реформъ несомнѣнно нуждалась въ руководителѣ; такимъ руководителемъ, такимъ другомъ ея явился реализмъ въ своемъ двуипостасіи; но этотъ другъ оказался хуже всякаго врага, какъ другъ льстецъ, предатель. Намъ скажутъ: „Да друзей и спасителей общества являлось и продолжаетъ появляться не мало. Есть цѣлый отдѣлъ литературы враждебный реальному направленію; чего же смотрѣли господа къ нему причисляющіеся! Почему же они не спасли общества отъ нигилизма?“ Потому (отвѣчаемъ) что реальное направленіе стало преобладающимъ, торжествующимъ; что же касается литературы нереальной, то не будь ея, пришлось бы тогда вести рѣчь не о *поврежденіи нравовъ*, а о торжествѣ безнравственности, объ общественной гибели...

Торжество реализма!.. Сколько страданій, горя и слезъ принесъ нашъ реализмъ, даже единоипостасный, бѣлый, русскому обществу, даже тому которое было настроено самымъ реальнѣйшимъ образомъ! Сколько страданій и слезъ невидимыхъ, невысказанныхъ!.. Достаточно указать на семью и школу чтобы придти въ ужасъ тому кто не знакомъ съ нашею русскою жизнью; русскимъ отцамъ и матерямъ ничего не оставалось какъ страдать и проливать слезы или завидовать бездѣтнымъ родителямъ. К. С. Аксаковъ, говоря о послѣднихъ годахъ Николаевскаго времени, замѣчаетъ въ немъ

„всеобщее развращеніе или ослабленіе нравственныхъ началъ въ обществѣ (дошедшее) до огромныхъ размѣровъ“; но онъ имѣлъ въ виду нравственныя начала въ жизни общественной, государственной, но не личныя, не семейныя: семья тогда стояла еще крѣпко, и нигилистическая нравственность еще не практиковалась. Не то мы видимъ въ концѣ 70хъ годовъ! Здѣсь уже рѣчь должно вести не о *поврежденіи*, а о *гніеніи* нравовъ, о глубочайшемъ общественномъ растлѣніи, существованіе котораго оправдывается живыми фактами, а не вытекаетъ изъ представленій какого-либо желчнаго моралиста! И все это совершилось въ самое либеральное царствованіе. И что же мудренаго когда „свободу“ и „освобожденіе“ отождествили со „своеволіемъ“, личное „достоинство“—съ дерзкимъ „вызовомъ“, сознаніе своихъ „правъ“—съ „неповиновеніемъ“; когда „долгъ“ и „обязанность“ выбросили изъ словаря; когда разнузданная личность, знающая только свои „права“ и требующая все новыхъ, но „права другихъ“ не признающая, стала идеаломъ молодаго поколѣнія въ семьѣ, въ школѣ, въ жизни!... Явился дѣтскій деспотизмъ вмѣсто родительскаго. Явился ученическій деспотизмъ въ разныхъ видахъ, мало извѣстный публикѣ и тщательно скрываемый оторопѣвшими или трусливыми педагогами, за которыми и безъ того неотступно гонялась реальная и педагогическая журналистика. Явился деспотизмъ студенческій по поводу экзаменовъ, стипендій, изъ-за желанія жить на чужой счетъ, да не одному, а иногда и со студентшами и съ потомствомъ,—деспотизмъ опять-таки тщательно скрываемый по человѣческой слабости, страха ради, частію за личное спокойствіе, иногда за популярность, а наиболѣе предъ тою же псевдолиберальною печатью. Глубокое паденіе нашихъ университетовъ у всѣхъ предъ глазами и въ подтвержденіе не нуждается въ фактахъ. Слышимъ толки о необходимости „сходокъ“, „кассы“ и „кухмистерскихъ“; но почему же еще не „булочныхъ“, не „швалень“ для приготовленія платья и обуви, не „прачечныхъ“, столь же какъ и кухмистерскія необходимыхъ? Но ничего не слышали ни о противодѣйствіи шалопутству, бездѣлью, вымогательному попрошайничеству; не слышали рѣчей о поднятіи достоинства университетскихъ студентовъ, которые должны быть во всѣхъ отношеніяхъ выше всякой иной учащейся молодежи, какъ это было прежде у насъ и какъ это вездѣ существуетъ; не знаемъ ничего о

противодѣйствіи сближенію русскаго студента съ простымъ ремесленникомъ, его юношескимъ демократическимъ увлеченіямъ, какъ не знаемъ и того: дѣлалось ли что-либо и кѣмъ противъ появленія въ нашей студенческой средѣ русскихъ софтовъ? А такихъ, къ великому нашему прискорбію, въ послѣдніе годы появилось не мало!..

Практическіе *дѣятели* реализма, подготовляемые и чаемые апостолами нигилизма, пошедшіе въ „народъ" сначала просто, а потомъ съ ядомъ и съ револьверами,—убійцы, неутомимо преслѣдовавшіе и безпощадно истреблявшіе намѣченныя ими жертвы,—злодѣи, умертвившіе Русскаго Государя и покушавшіеся взорвать на воздухъ десятки тысячъ людей ни въ чемъ неповинныхъ даже предъ ними,—всѣ эти „воры" вышли изъ нашихъ учебныхъ заведеній, среднихъ и высшихъ, принадлежали къ нашей учащейся молодежи!..

Есть о чемъ задуматься, есть о чемъ горевать!..

Но не одна семья и школа нигилизованы... А судъ, это зеркало общественной нравственности?.. А рѣчи нѣкоторыхъ либеральныхъ адвокатовъ?.. А нѣкоторые приговоры присяжныхъ?.. А оправданіе Вѣры Засуличъ и восторгъ возбужденный этимъ оправданіемъ чуть не во всемъ Петербургѣ?!!

Долго придавляемая и почти подавленная личность русскаго образованнаго человѣка при покойномъ Государѣ получаетъ наконецъ человѣческія права, выводится на просторъ, на свѣжій воздухъ... Почему же эта личность не успокоивается, а будоражится? Почему не работаетъ мирно на своей нивѣ, а лѣзетъ на задоръ, обнаруживаетъ одни разрушительные инстинкты?.. Потому что она душевно болѣетъ. Опредѣленію этой болѣзни посвящена наша статья.

Покойный Достоевскій въ рѣчи своей, сказанной при торжествѣ открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, назвалъ „Алеко", „Онѣгина" и вообще литературные типы „лишнихъ людей" „скитальцами". Къ этимъ „скитальцамъ" онъ причислилъ и нашихъ соціалистовъ *, не назвавъ ихъ впрочемъ

* „Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество... И если они не ходятъ, уже въ наше время въ цыганскіе таборы искать у Цыганъ... своихъ міровыхъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ природы отъ сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго интеллигентнаго общества, то все равно ударяются въ соціализмъ... ходятъ съ новою вѣрой на другую ниву и работаютъ на

настоящимъ ихъ именемъ,—причисленіе необыкновенно лестное, но совершенно несправедливое. Не сочувствуя „скитальцамъ“, Достоевскій видитъ въ нихъ однакоже романтическій характеръ, какую-то міровую скорбь, какое-то стремленіе осчастливить весь міръ. Здѣсь не мѣсто спорить о томъ, таковы ли были наши „лишніе люди“? Но наши „соціалисты-революціонеры“, наши „реалисты“ и „нигилисты“ таковыми не были и быть не могутъ; ибо не только „нигилизмъ“, но даже „реализмъ“ (въ его чистомъ и бѣломъ видѣ) и „романтизмъ“—понятія совершенно противоположныя и другъ друга исключающія. Какъ бы ни сильна была антипатія къ „лишнимъ людямъ“, къ „западникамъ“ (выше мы сказали что и „славянофилы“ въ „придавляющую“ эпоху были также „лишними людьми“), нельзя однакоже и едва ли кто станетъ утверждать чтобъ эти люди спеціально занимались вытравливаніемъ въ себѣ всего человѣческаго, пропагандой бестіаціи. Такимъ образомъ нашъ знаменитый писатель, безсознательно польстивъ нигилизму, впадаетъ въ большую ошибку въ вопросѣ о его происхожденіи. Если еще можно назвать „скитальцами“ нѣкоторыхъ „ходившихъ въ народъ“ (конечно еще недозрѣлыхъ, еще не вполнѣ испорченныхъ юношей) безъ оружія; то уже никакъ не героевъ кинжала, яда и динамита.

—

Мы сдѣлали діагнозу болѣзни. Нужно ея врачеваніе; но *чѣмъ* и *какъ?...* Если правильно сдѣлана діагноза, то способы лѣченія отыщутся сами собою. Распространяться о способахъ излѣченія нашего общества отъ такой язвы какъ нигилизмъ здѣсь не мѣсто и совсѣмъ не входило въ планъ нашей задачи; однакоже намѣтимъ нѣкоторые вопросы, развитіе и разрѣшеніе которыхъ, по нашему мнѣнію, представляютъ единственныя средства для нашего исцѣленія отъ всякихъ духовныхъ и душевныхъ болѣзней. Вотъ эти вопросы:

а) *Вопросъ церковный,* т.-е. о церкви и духовенствѣ, о постановкѣ ихъ въ нормальное положеніе, съ устраненіемъ всякой казенщины и формализма, съ облегченіемъ для нихъ полной возможности влiять (конечно духовно) въ нашей семейной и общественной средѣ.

ней ревностно, вѣруя... что достигнутъ... цѣлей своихъ и счастья не только для себя самого, но и всемірнаго“. (См. *Дневникъ Писателя* на 1880 Августъ, стр. 9.)

b) *Вопросъ образовательный*, самый жгучій и тѣмъ не менѣе самый неотложный изъ вопросовъ. По этой части у насъ все еще въ хаосѣ и почти все (за исключеніемъ гимназій) находится въ положеніи благопріятствовавшемъ распространенію реализма и „мыслящаго пролетаріата". Крайне необходима реформа университетовъ и еще многое, а главное — общность типа *всѣхъ* среднихъ учебныхъ заведеній; нужна *смѣлость:* смѣлость сказать что̀ можетъ сдѣлать государство и чего не можетъ, что̀ ему не нужно и что̀ должно дѣлать само общество на свой страхъ и на свою отвѣтственность (отъ недоумѣнія въ этомъ смыслѣ происходитъ смутное положеніе нашихъ реальныхъ училищъ); смѣлость въ постановкѣ образовательнаго вопроса въ тѣсной связи его съ экономическимъ, откуда должно воспослѣдовать опредѣленіе полезности и ненадобности учебныхъ заведеній въ томъ или другомъ мѣстѣ; смѣлость не обращать вниманія на крики и вопли реально-прогрессистской печати. Пора оставить въ этомъ дѣлѣ какую-то стыдливую робость!

c) *Вопросъ административный*, т.-е. о государственномъ управленіи общемъ и провинціальномъ,—необходимость осмотра, дополненія, исправленія и т. п. въ реформахъ прошлаго царствованія. Но на этотъ путь уже вступило правительство нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.
